

ЕЛЕНА
ПОМАЗУЕВА

Сказка о
ЗЕЛЕНОГЛАЗОЙ
КОЛДУНЬЕ
И СЕМИ БОГАТЫРЯХ

16+

Елена Помазуева

**Сказка о зеленоглазой
колдунье и семи богатырях**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Помазуева Е.

Сказка о зеленоглазой колдунье и семи богатырях /
Е. Помазуева — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Это только кажется, что быть в сказке колдуньей просто, а когда силу только-только получила от своей бабушки, попробуй с ней совладать! Идешь мир спасать с семью братьями-богатырями от загребуших рук Чернобога, да на каждом шагу женихи путаются. То князь с колдуном попадутся и замуж зовут, а то Светлобог с Чернобогом спорят, кому я достанусь. Да и Горыныч в первых рядах, конкурентов раскидывает. А как понять, кто он, тот самый, единственный?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В оформлении обложки использованы фотографии с <https://pixabay.com/> по лицензии CC0.

Глава 1

– И поцеловал он ее в уста сахарные, взял на руки, сел на коня и поскакал, – медовым голосом закончила рассказ моя бабушка.

Именно это место мне больше всего нравилось: «Поцеловал в уста сахарные». При этих словах невольно открывала рот и мечтательно смотрела в окно за спиной у бабули.

– Ай! – вскрикнула я, потому что Матвейка дернул за косу. – Бабушка, меня Матвейка дергает! – нажаловалась на обидчика.

– Ах ты ж, баловник! – сказала бабушка, старая клюка взлетела над русой головой обидчика и бумс по затылку.

– Бабуль, больно же! – возмутился парень.

– Не задирай Веселинку, – отозвалась бабушка, глядя на свою прялку.

– Бабуль, а можно нам тарелку посмотреть? Там сейчас новости с последних боев будут передавать, может, батю покажут? – басовитым голосом спросил Святослав.

– Еще чего! – возмутилась бабушка, – Смотреть, как мужики друг другу носы разбивают!

– Не мужики, а богатыри, – пробурчал Святослав.

Он у нас старший, вместе со Святополком – они близнецы. Все мои братья рождались парами, только мы с Матвейкой двойня. Так что братьев у меня ровно семь. И все старшие, даже мой Матвейка на несколько минут.

Отец очень гордится сыновьями, богатыри ему на смену. А бабушка меня ждала. Мама моя давно приняла силу своей бабушки и стала природной ведьмой, а мне бабушка свою передаст. Поэтому ее мальчишки не интересовали, она считала, что женщины в роду – главная сила, ее стержень, крепость.

Ведьмы в нашем роду все природные, женщины сразу же рождались с талантом. Никогда ученых не было. Слышала от своей бабушки, что можно выучиться на ведьму. Вот тогда они называются учеными. Да только талант их идет не из души, не из природы, а от ума, да заклинаний, потому ворожба у них злая получается. То мор напустят, то сглаз накликают. Бегут люди за помощью к природным ведьмам.

– Бабуль, а как мог богатырь, держа свою невесту на руках, на коня взобраться? – хитро подмигнув остальным братьям, спросил Доброслав.

– Вырастишь – поймешь, – сообщила ему бабушка, нисколько не сбита его вопросом с толку.

– Хозяйка, деткам спать пора, – подал голос домовичок Тимоша, который весь бабушкин рассказ смотрел на нее влюбленными глазами.

Бабушку мою он боготворил, после того как она в заброшенной и почти сгнившей землянке отбила его от летучих мышей, которые облюбовали эту землянку себе под жилье. А отважный домовичок продолжал сражаться за жилье своих давно потерянных хозяев.

Бабушка тогда провела ритуал со всеми заклинаниями и необходимыми травами, чтобы Тимошка мог перебраться в лапоть своей спасительницы и переехать жить в наш шумный дом.

Домом его, правда, назвать трудно – скорее небольшое поместье. Отец наш, богатырь Ярослав, состоит на службе у самого Светлобога. Так что у нас часто собиралась его дружина, а им где-то ночевать нужно после трудов ратных. Братья подрастали, тренировались с ними, в дружину к отцу собирались. Потому что служить Светлобогу – самое почетное.

Ворчливая банница встретила меня в предбаннике, но высказывать вслух свое недовольство не решилась, помня, как я ее в прошлый раз в кадушку с лягушками посадила, причем на расстоянии. Сама не ожидала от себя, да довела она меня своим ворчанием. Мол, хожу, мешаю, пар весь забираю, и когда меня, такую непутевую, замуж только возьмут. На последнем

я не выдержала и, приподняв банницу вверх тормашками, шлепнула в кадушку, лягушки тоже были возмущены этим соседством. Но вредную бабу это охладило.

Распустила светло-русою косу, ленту аккуратно свернула и положила на стол, платье, вышитое мной оберегами на здоровье и удачу, сняла и положила на лавку. Банница приглядит за вещами. Братья по малолетству озорничали, утаскивали одежду мою, но бабушка строго-настрого приказала баннице за вещами следить.

В бане было жарко, воздух сухой. Подошла к бадье с холодной водой и заглянула. Мое отражение показало красивую девушку с яркими зелеными глазами, пушистыми и длинными ресницами, да и фигурка у меня была что надо.

– Тьфу! Срамота! Любуется она. Замуж дурынде давно пора. Уже два года женихи порог обколотили весь, а она всё нос воротит, – возмутилась банница и быстро спряталась за дверь, чтобы еще чего с ней не сделала.

Околотили, это правда. И в двери с цветами, и в окно лезут. А братья счет ведут – у кого отбитых женихов больше. Лидером в этих играх Матвейка ходит, он всегда рядом держится, ему женихов больше достается.

Братья мылись после меня с шумом, смехом, гоготом. Потом бежали к речке и, фыркаясь, плескались, играли в догонялки.

– Ну что, внученька, готова к завтрашнему дню? – с улыбкой спросила бабушка, входя в мою светелку.

– Готова, бабушка, – улыбнулась ей в ответ.

– Вот ты и выросла, – все так же довольна улыбалась бабушка. – Завтра тебе будет восемнадцать, а на закате передам тебе свою силу.

– Бабушка, а как же ты без силы останешься? – задала в очередной раз все тот же вопрос.

Меня, правда, это заботило. Бабушка стольким людям помогла, а я справлюсь ли? Меня мучили сомнения, но бабушка успокаивала и утешала, что все придет с опытом, и все у меня получится.

Утро началось с поздравления за семейным столом, как всегда это было. Мамочка вручила новое, расшитое шелковое платье. Отец подарил к нему сапожки. Братья в основном ленточки и бантики, намекая на то, что я в куклы еще не прекратила играть. Настоящий подарок братья припасли, как оказалось, на конюшне. Там меня ждал белогривый красный конь. И главное счастье в этом подарке было то, что он был не обьежен!

Укротить лошадь может только сильный наездник. А дикая лошадь символизирует саму природу. По поверью, укротить дикую лошадь – значит, приручить саму природу, найти к ней подход, прикоснуться к источнику жизни.

Щеки тут же загорелись, от возбуждения я даже стала приплясывать почти так же, как сам красный конь.

– Мам, пап, – посмотрела на них умоляюще.

– Езжай, дочка, – разрешил отец, и приобнял за плечи открывшую рот маму, которая хотела что-то сказать.

Вбежала в дом, наверх в свою светелку, скинула платье, натянула штаны, рубашку, сапожки, что отец подарил. Ведь знал, что пригодятся. И кубарем скатилась вниз.

В загоне кроме моего красавчика никого больше не было. Братья похихатывали в сторонке, как бы говоря, «сама хотела – вот подарок, бери, пользуйся». А то, что он без обертки, да с ногами и с норовом необьеженным, это уж как именинница хотела, они не причем.

Открыла широкую воротину, держа в руке мытую и слегка обтертую морковку, чтобы дух шел сильнее, и направилась к Огоньку, как мысленно уже окрестила коня.

Тот внимательно посмотрел на меня карим глазом, всхрипнул, запрядал ушами. Переминаясь с ноги на ногу, незаметно стал отходить от меня. Я же потихоньку старалась подойти к нему, подсовывая поближе к его носу пахнущую морковку.

Все же конь понял, что я не представляю для него опасности, и потянул губами с моих ладоней лакомство. Я же спокойно положила на его шею руку, и кожа под ладонью вздрогнула. Уверенно стала гладить, успокаивать и приговаривать слова заговора на послушание.

– *Ты пройди испуг, стань мне конь другом друг. Я беречь тебя, лелеять буду, век тебя я не забуду. Светлобог нам в помощь будет, все невзгоды позабудем,* – приговаривала напевно.

Потом медленно подняла руку к волосам, сняла серебряную шпильку, незаметно для коня проткнула себе ладонь, зажала, чтобы кровь быстро не лилась. Поднесла шпильку к его груди, быстрым движением проткнула его кожу и тут же приложила свою кровоточащую ладонь.

– Друзья навечно! – громко сказала коню, успев смешать нашу кровь.

Конь отпрыгнул стремительно и понесся по кругу загона, возмущенно ржа в мою сторону. Но я уже знала, что скоро он успокоится и подойдет сам. Заклинание сработало так, как надо.

Огонек успокоился и подошел, ткнулся в ладонь мордой.

– Прости, друг, – с улыбкой сказала ему и забормотала заклинание на исцеление себя и его.

Конь совсем успокоился, ощущение боли пропало. Я взяла удила, перекинула ему на шею и, как он был, без седла, взлетела на него. Огонек всхрипнул и помчался по песку загона, с радостным ржанием оповещая, что наша пара конь-наездник состоялась.

– Я же говорил! – услышала довольный голос Матвея.

Он знает меня лучше других братьев. Хотя разница у нас не сильно большая, но все же мы самые младшие, и часто играли вдвоем. Старшие все борются, да соревноваться любили, а мы больше в догонялки, да по лесу ходить предпочитали. Матвейка видел, как во мне колдовские чары пробуждались и крепили. Как росла сила ведьмы. Бабушка очень заботилась, чтобы мой талант все время совершенствовался, и давала нам задания.

Чаще всего мы находили место и созерцали природу, погружаясь в окружающее. Самое тяжелое для меня было остановить внутренний диалог. А вот Матвейке это давалось легче. Когда мысли переставали скакать в голове, наступала такая ясность, ощущения расширялись, и я начинала чувствовать травинку, листик, шишку на елке. Дальше задания шли сложнее – нужно было почувствовать воду, а потом и до птиц дошли.

Вот и сейчас я остановила внутренний диалог и, пока конь подо мной привыкал к моему присутствию у себя на спине, настраивалась на своего нового красного друга. Я почувствовала его дыхание, как бьется сердце, появилось движение сильных мышц, и желание, огромное желание мчаться на свободе, по полю, навстречу прохладному ветру.

– Огонек, полетели, – сказала ему мысленно.

Красный конь взлетел над оградой и пустился в сторону простора полей, куда его направляла моя маленькая ручка. Огонек стелился над высокими травами. Одурачивающий аромат проснувшегося осеннего поля кружил нас, солнце сверкало в каплях росы на ростках. Красный конь летел, как стрела, радуясь бешеной скачке, его сердце билось быстро, но спокойно.

Вихрь росы взлетал после нас, создавая радугу над полем. В легкие врывался прохладный воздух. Мы с Огоньком понимали друг друга, мы были как один организм. Нам хотелось лететь и лететь в бешеной скачке над полем.

Немного уняв эту жажду скачки, повернули к дому. Братья ждали перед загонем, отец удерживал маму, которая уже собиралась выезжать на мои поиски.

Мы гордо прогарцевали мимо них. Я встряхивала своей русой косой, Огонек горделиво выгибал шею и махал своим белым хвостом, всем своим видом показывая, как он счастлив иметь такого друга у себя в наездниках.

– Веселинка, как ты это сделала? – восхищенно спросил Добролюб.

– Очень просто. Мы друзья, – ласково провела ладонью по шее гордого красного коня.

– Я не о том, что ты его объездила – мотнул головой Добролюб. – Он стал ... он стал – брат не мог подобрать слова.

– Волшебным он стал. Эка невидаль, – засмеялся Матвей.

Только сейчас обратила внимание, что конь теперь был не просто красный – он сверкал, переливался золотыми искорками. В нем бродила моя колдовская сила. Копыта стали высекать искры, которые осыпались россыпью драгоценных камней.

– Матвейка! – позвала брата, – У меня для тебя подарок, тоже необычный, – улыбнулась ему.

Красного коня передала братьям и вернулась в терем, в своей светелке из сундука достала меч зачарованный. Я его для Матвейки зачаровала. Его вор не украдет, врага он накажет, от другого меча не сломается, хозяина убережет. В рукоять вставила изумруд, в цвет глаз брата, вот этот камень защищает владельца меча.

Ножны и сам меч мне отец помог подобрать, а зачаровывала подарок сама, в лесу, на опушке леса, у ведьминога круга. Круг тот давний, старый, много поколений ведьм на нем заклинали, а потому силы в нем немеряно.

Матвей сразу понял ценность подарка, он мое колдовство всегда сразу видел. Глаза блеснули от восхищения.

– Спасибо, сестрица, – обнял он меня.

Сбежала я от своих братьев, которые стали рассматривать оружие Матвея и пробовать его в деле. Каждому хотелось мечом махнуть, да в паре побиться. Так утренняя трапеза перешла в вечерние ратные споры между братьями.

Бежала я к подружкам своим, Беренике и Ягушеньке. Девчонки поджидали меня на полянке, радостно обняли, и мы закружились в хороводе, песню запели. Этим летом нам всем троим восемнадцать исполнилось.

Береника уже давно в свою силу вошла, пела свои зачарованные песни над речкой у ивы и сводила парочки.

Ягушенька тоже свою силу получила от бабушки этим летом, но только не всегда могла ей управлять, и иногда вспыхивала сама, или поджигала чего ненароком. Огонь в ней жил живой, тоже от природы даденный.

Подружки надели венки из цветов мне на голову, и мы со смехом побежали к речке купаться, пока вода еще теплая. Одежда полетела на кусты, сапожки туда же. Мы со смехом, распустив косы, поплыли среди кувшинок.

Русалки выглянули, улыбнулись, помахали нам рукой, мне прокричали поздравления и обратно нырнули в глубину.

Накупавшись, вышли на берег, а одежды-то нет! Уж мы искали, искали.

– Веселинка! Это опять все твои братцы-озорники удумали! – возмущалась Ягушенька, которой очень приглянулся Доброслав.

И ведь не путает его с Добролюбом, хотя они на одно лицо, и одежду одинаковую носят. Спросила как-то раз ее, Как она их различает? Говорит: «Сердцем», и засмушалась сильно. Ну, мне, колдунье, можно было больше не говорить. Все понятно сразу же стало. Да только Ягушеньке ни о каких мужьях думать нельзя, пока в крепость своего дара не войдет. Вот и старается девушка поскорей Ягой стать.

– Не было их тут, – потянула носом воздух, – Тут другой дух. Не сказочный.

Береника тут же в воду вернулась.

– Негоже людям на Беренику смотреть, – ее беловолосая с зелеными прядями голова ушла под воду. Береники людям не показываются, только нашептать могут, когда те у воды сидят, да вопросы задают.

– А кто ж тогда? – удивилась Ягушенька.

– Не знаю, может, заблудился кто? – предположила я. – Эй! Кто здесь? Зачем забрал нашу одежду?

А вечер все клонится к закату, солнышко над прудом совсем низко висит, кувшинки в розовый цвет покрасило.

Молчание нам ответом, да только ветки у кустов шелохнулись – я приметливая, увидела.

– Вижу тебя, выходи, не бойся. Если в беду попал ты, поможем. Если совета ищешь, подскажем. Что хочешь ты? – звонким голосом спрашиваю пришлого.

Снова тишина мне ответом.

– Веселинка, не нравится мне это, полетела я отсюда, – сказала Ягушенька, обломила ветку, села на нее боком и взлетела в небо, на прощание помахав мне рукой.

– Выходи, а то сейчас в прах развею! – пригрозила пришлому.

Кусты раздвинулись, и на полянку перед прудом вышел добрый молодец. Очи у него карие были, а вот искорка веселья в них украшала золотым. А может это просто солнце своими лучами озарило его.

Сам статен, почти как мои братья, только старше их. Не старый, в самом возрасте. Волосы локонами лежат. На плечах плащ развевается, на поясе меч весит.

– Ай да красна девица! – восхитился молодец, глядя на меня.

Стоя перед ним, вся в лучах заходящего солнца, протянула руку к нему:

– Платье отдай! – приказала ему.

Ишь, выставился на меня! Что я ему, писанка что ли? Подошла к нему, платье к себе потянула. А он меня вдруг обнял, к себе прижал и поцеловал, да так жарко! Я со всего размаха рукой его и приложила. Меня еще никто не целовал, а этот

– Ты как посмел?! – возмутилась на него.

Молодец лежит на песке и улыбается. А что? У меня семь братьев, да все богатыри. Я с детства драться умею. Что мне там какой-то молодец?

– Такая красота! – сказал он мне снизу, а сам так на песке и лежит.

– Вставай, песок холодный, потом лечи еще тебя, – сказала ему и руку протянула для помощи.

Он руку взял, а потом дернул на себя, и упала я прямо на него. Его глаза стали так близко, искорки сверкают в глазах. Он перевернул меня на песок, а сам сверху оказался.

– Красавица, зовут тебя как? – воркующе спросил молодец.

– Да кто ты такой?! – возмутилась на него.

Махнула руками, отлетел молодец на край поляны, об дерево ударился, и сполз по нему на песок.

Накинула платье на себя, и в лес быстро убежала – домой нужно было возвращаться, бабушка уже ждет. Скоро обряд будет.

Вернулась в терем, и всё суетилась, никак не могла забыть поцелуя молодца, и глаза его карие всё время передо мной стояли. Наваждение какое-то.

Ночью мы стояли у ведьминога круга. Меня бабушка поставила в центр. Вокруг разложила амулеты, из порошка перетертых трав нарисовала символы жизни на камнях ведьминога круга. Стояла с распущенными волосами, которые были моим единственным одеянием сейчас. Всё было готово. Можно начинать.

Бабушка забормотала заклинание, призывая в свидетели духов земли, неба, воды и огня. Всю живую и неживую природу.

Легкий ветерок пробежался по моим волосам, играя с прядями. Улыбнулась старому другу – часто я к нему обращалась за помощью, хорошо мы друг друга знали.

Легкий дождик брызнул в лицо, улыбнулась еще одной, хорошей знакомой – воде.

Земля под ногами загудела, говоря, что тоже слушает слова ведьмы.

Последним пришел огонь, он был серьезным, не веселился на этом обряде. Огнем вспыхнули знаки жизни на ведьмином круге.

Амулеты зажглись своим светом, ведьмин круг зажил своей жизнью. Камни стали вращаться, земля загудела, ветер стал мчаться вместе с камнями, дождь повис каплями внутри. Горевшие знаки жизни слились в единый огненный поток.

Бабушка произносила фразы на старом языке, призывая все силы природы в меня влиться. Открылась сердцем этим потокам, и почувствовала мир вокруг себя. Я стала ветром, потом дождем, потом землей, и запылала огнем. Все четыре стихии попеременно побывали во мне. А потом обрушались на меня все сразу, заставив согнуться под их силой, но теперь я могла управлять ими. Выпрямилась и посмотрела на бабушку, она улыбалась.

Я сама произнесла заклинание подчинения стихий, и миг круг остановился. Дождь упал на землю, напоив ее, ветер утих, ласково коснувшись руки на прощанье, земля успокоилась, огонь мирно горел в символах жизни. Подошла к бабушке. Она протянула мне амулет на цепочке и одела на шею. Это была сова с зелеными глазами. Каждое перышко было сделано отдельно, и казалось, что птица живая. Глаза совы из изумрудов блестели колдовским светом.

– Твой амулет, никогда не снимай его. – сказала бабушка с улыбкой.

Спать я легла с улыбкой на губах. Мне снились карие глаза с золотистой смешинкой.

Глава 2

Утро началось неожиданно, на меня закапал дождь, причем в моей светелке, и с потолка прямо в постель. Подскочила на кровати и в недоумении уставилась вверх. Дождь был небольшой, но в самый раз, чтобы промокнуть. Брр, встряхнулась, встала и побежала в ванну. Дождь за мной. Я из светелки – дождь опять за мной.

– Ба-а-а-бу-у-уш-ка-а-а! – закричала на весь терем.

Братья выскочили из своих комнат и глазами хлопают, а я как ненормальная бегаю по комнатам, и меня дождик сверху поливает.

Бабушка подбежала, улыбнулась.

– Это, Веселинка, ведьмина сила в тебе пытается ужиться. Привыкнешь к ней, и все будет хорошо, – она улыбается, а мне уже холодно стало.

Только подумала, что согреться хочу, как вокруг меня огонь вспыхнул. Стою, полыхаю.

– Пожар! – басом заорал Владимир.

– Пожар! – тут же весело его поддержал Матвей, довольный, что можно опять в забаве поучаствовать.

Братья среагировали сразу – терем-то деревянный. Сбегали вниз, принесли ведра с дождевой водой, и залили весь мой пожар. Опять мокрая.

– Что же это такое? – жалобно посмотрела на бабушку.

– Ветром подуй, обсохнешь, – посоветовала бабушка, продолжая улыбаться.

Ветром, так ветром. Его я вызывать умею. Закрыла глаза, и ветерок тут же прилетел, распахнул при этом входную дверь, снес цветы в горшках на лестнице, растрепал кудри братьям, и почти сорвал с меня одежду – так старался высушить.

– А что это было? – несколько рассеяно спросил Добролюб.

– Это наша Веселинка силу свою ведьминскую пробует, – весело сообщил Матвей. Ему все развлечение.

– А может она ее в каком-нибудь другом месте пробовать будет? Еще терем спалит, – недовольно буркнул Святополк.

– Веселинка, айда на конюшню! – тут же отозвался Матвейка. – Конюшня сторит – не жалко.

– Не-не-не! – встали стеной братья за своих любимых богатырских коней.

Я надулась и обиделась, тут же терем зашатался, земля под ним стала возмущаться.

– Веселина, кончай баловать! – грозно сказала мама, подходя к нам.

– Мамоchка, я же не специально, – от обиды плакать хотелось.

– Забавушка, доченька, ты себя вспомни. Как ты отцов овин сожгла и с землей сровняла, когда тушить пыталась. А уж про пожарную башню вообще молчу, – смеялась бабушка.

– Вот и молчи, – теперь мама надулась.

Она у меня красавица, молодая совсем, а две косы и стан тонкий вообще ее девушкой делают. А глаза у меня ее, такие же зеленые.

– А что там с башней? – тут же встрял Матвейка.

– Да ничего особенного, – отмахнулась мама.

– Доченька, она так забавно потом смотрелась, – посмеивалась бабушка, разжигая наше любопытство. Мама махнула рукой – рассказывай.

– Мама ваша разнесла случайно пожарную башню по камушку, а чтобы скрыть это – собрала ее обратно, только вверх тормашками. И стояла башня на коньке собственной крыши. Да долго так стояла, даже от ветра не шаталась. Даже сломать не могли ее, так Забава старалась собрать башню, крепко сделала, – смеялась бабушка.

– И что же, долго так стояла? – любопытствовал Матвейка.

– Пока Забавушка силой не смогла управлять. Сама потом разобрала ее снова по камушку, а затем аккуратно обратно сложила. Она и сейчас стоит, крепко сделано, – махнула рукой в сторону окна бабушка. Парни тут же побежали к окну, смотреть на такую диковинку, сожалея, что не видели башню-перевертыш.

– Веселинка, ты на улице постарайся больше быть, там проще со стихиями свыкнуться, – посоветовала мама.

Мне вручили сумку с едой и отправили в лес, от жилья подальше. Шла по тропинке, сердито топая ногами, взбивая пыль и труху сухой травы. Ветерок услужливо стал поддувать мне, чтобы разместить тропинку, извинялся за устроенное в доме.

Решила, что могу к подружкам пойти – заслужила пожаловаться на несправедливость родственников. Пришла к месту нашего сбора, к пруду, присела на песочек. А подружек всё нет и нет. Грустно стало, подошла к воде.

– Береника! – позвала подружку.

Береника вынырнула, сообщила, что молодых русалок обучает и очень занята. Про Ягушу сказала, что у той занятия. Совсем я расстроилась.

Иду по лесу, на деревья смотрю, яблочко кушаю. Что же мне с моей силой делать? Как к ней привыкнуть? Решила начать с простого, то есть с ветра, и он тут же с готовностью ткнулся в руку.

Перебираю пальцами потоки, ласкаю ветер, а он довольный, готов услужить. Собираю в ладошку и запускаю в небо. Ветер летит и сбивает огромную птицу, которая с криками возмущения падает вниз, прямо ко мне под ноги.

– Что ж за жизнь такая, – возмущается Гамаюн, лежа на спине.

– Ой, простите, я нечаянно! – присаживаюсь к птице.

– Нечаянно она! За нечаянно быют отчаянно! – фыркает сбитый мной Гамаюн.

– Ой, кто вы? Вы же не женщина! – удивленно восклицаю.

– Заметила? – усмехнулся Гамаюн, – Подняться помоги.

Помогла Гамаюну встать на лапы.

– А как же так? Птицы Гамаюн ведь все женщины, – озадачилась я выше меры.

– Ага, ну да! Как же, все! Ага! Тетеха, ты хоть подумай, как Гамаюны плодятся будут, если все женщины? – усмехнулся ... птиц?

– Ой, не подумала, – вспыхнула и засмушалась от такого намека.

– Не подумала она, – Гамаюн, важно переваливаясь на толстых лапах, пошел по тропинке. – И что встала? – обернулся он на меня.

– А что? Мы куда-то идем? – удивилась, потому что до этого момента вообще не представляла, что мне куда-то нужно идти.

– Ну, если я к тебе прилетел, значит, это для чего-то нужно, – важно поднял одно перо в крыле, как палец, Гамаюн.

– Да? – тут же заинтересовалась, – А куда мы идем? – подбежала догонять отошедшую от меня птицу.

– Пока прямо, – важно сообщили мне, – У тебя, что в сумке?

– Еда, – недоуменно сообщила ему. – А вы кушать хотите? – догадалась.

– Не откажусь, – сообщил мне довольный Гамаюн.

На полянке нашли пенек, я достала узелок с едой и развязала его. Аромат домашней еды потянулся по воздуху.

– Курочка, – протянул довольный Гамаюн, – Обожаю домашнюю еду. Сама готовила? – он ловко оторвал ножку у жаренной птицы и клювом отхватывал кусочки, отправляя их себе в рот.

– Нет, бабушка, – ответила, с интересом наблюдая эту трапезу. – А как же вы можете курицу есть? – поинтересовалась у него.

- А что такого? – не отвлекаясь от процесса спросил Гамаюн.
- Ну как же? Ты птица, курица птица, – пояснила ему, увлеченно наблюдая, как в горле прожорливого Гамаюна уже исчезли полкурицы.
- Курица домашняя, а я хищник, – спокойно пояснили мне.
- Так что ты тут делаешь в лесу? – полюбопытствовал Гамаюн, наевшись.
- Гуляю, – буркнула ему.
- Что я всякому встречному Гамаюну буду рассказывать, что чуть дом не развалила?
- Гуляешь? Одна? В лесу? – помолчал. – Выгнали. – Сделал он свой вывод.
- Выгнали, – со вздохом согласилась с ним, печально глядя на зелень деревьев вокруг нас.
- Ну и ладно! Подумаешь! Меня вон тоже ... ммм ... попросили прогуляться, – посмотрел на небо Гамаюн.
- А тебя почему? – удивилась такому повороту событий.
- Понимаешь, в чем дело. Гамаюн – птица вещая, – растягивая слова, начал он говорить.
- Так это всем известно, – согласилась я с ним.
- Ну, вот у меня не очень это получается, – как-то смял он концовку своей фразы.
- Что не очень получается? – переспросила его.
- Вещать не очень получается, – проворчал Гамаюн. – Вот сама посуди. Предсказал одной бабе, что она пацана родит, а она двух девок родила. Так по всем признакам было видно – будет пацан, а она возьми и роди девок! Ну и еще там пара моментов была, – нахохлился забавно Гамаюн, – Так, что ж меня за это, в зад клевать нужно было? Чего этим женщинам надо? Пусть сами вещают, если недовольны. А у меня специальность другая, я по-другому отрабатываю свое предназначение.
- Это как? – тут же спросила его.
- Ты девка, или муж есть? – спросил меня Гамаюн.
- Колдунья я, – с гордостью сообщила ему.
- И что? – удивился он.
- Вчера только силу получила, – пояснила ему.
- Аааа, тогда понятно, – протянул Гамаюн.
- Так что за специальность у тебя? – напомнила, что не ответил мне.
- Специфическая такая, без нее женщинам никак. Замуж выйдешь – узнаешь, – многозначительно сообщил Гамаюн.
- Я вроде не собираюсь замуж, – пожала плечами.
- Все вы так говорите, – важно возвестил мне Гамаюн, – А как встретишь своего добра молодца, так фьюить! И улетела в мужнин терем.
- Мне бы сначала со своей силой совладать, – обреченно вздохнула, и ветер снес верхушки деревьев передо мной.
- Крак! – втянул голову в плечи Гамаюн.
- Вот видишь? – горестно махнула рукой, и волна побежала по земле, вскидывая деревья и травы.
- Ты это, слышь, колдунья, успокойся. Чего нервничаешь так? Или с парнем своим поругалась? – любопытствовал Гамаюн.
- Нет у меня парня, – потрянула головой, отчего косы огнем полыхнули.
- Так-таки и нету? – прищурился на меня Гамаюн, – А я ведь вижу – есть! Ты к нему, что ли сбежала?
- Ты что?! – возмутилась, – Нет у меня никого! Мне вчера вечером бабушка силу передала, а утром вот такое началось. – Обидно так стало, и заморосил мелкий дождик вокруг.
- Сила, значит, твоя гуляет. А я всё думаю, как ты меня сбить могла? – улыбнулся довольный Гамаюн.
- Ты уж прости, случайно вышло, – покаянно сказала ему.

– Случайно ничего не бывает, – важно сообщил Гамаюн, – Я вещун, такие вещи точно знаю.

– Ты же говорил, что вещать не очень получается, – спросила его.

– Это я по мелочам не попадаю. А так, когда что-то глобальное надо предсказать, так это всегда получается, – важно приосанился Гамаюн.

– Мальчика с девочкой перепутать – это мелочи?! – рассмеялась на его слова.

– Конечно, – уверенно кивнул Гамаюн, – Будет ли война, кто победит на ратных соревнованиях, какие ставки будут – это я могу. А ребенка – это женское дело предсказывать.

– А за что, говоришь, тебя попросили прогуляться? – подозрительно спросила его.

– Да ни за что! Представляешь, на последних ратных боях я все ставки предсказал правильно. Сiju, прибыль свою подсчитываю, и вдруг из ниоткуда появляется какой-то князь, и укладывает пятерых богатырей! А я его в расчет не брал. Там ведь теория вероятности чисел есть. Их просчитываешь, потом переставляешь. И все! А тут этот не посчитанный появился. Это не моя вина. Ну, в общем, прибыль мою отобрали, и полетать предложили, – сказал Гамаюн, почесывая свою филейную часть птичьей туши.

– Что ж за князь такой? – спросила Гамаюна, вспоминая, что братья как раз хотели эти бои по тарелочке посмотреть, да бабушка не разрешила.

– Не знаю я, пришлый какой-то, случайно в сказку попал, – нахохлился Гамаюн, теперь почесывая второй ушибленный филей, с другой стороны.

– Ты же говорил, случайностей не бывает, – напомнила птице.

– Не бывает. А этот неожиданно на поле появился, и сразу же, как давай махать кулачками направо и налево, не разбирая, кого бьет. Я к нему потом подходил, – снова почесал второй филей, – Пытался с ним договориться о компенсации за утраченную прибыль, вместе работать предлагал, – угрюмо сказал Гамаюн.

– А он что?

– Отказал, – проворчал Гамаюн.

Сидели мы, пригорюнившиеся, у пенечка, с половинкой курицы. Вздохнули одновременно, отчего земля волной пошла, подкидывая деревья, и ветер снес еще новые макушки, уже дальше.

– Да что ж это за лес-то такой?! – слышали возмущенный мужской возглас со стороны осыпавшихся веток.

Мы с Гамаюном насторожились. Голос показался знакомым и мне, и ему, переглянувшись. Оба, не сговариваясь, стали потихонечку отползать к краю полны, в надежде, что нас не заметят. Курицу Гамаюн прихватил с собой в клюве. Успели спрятаться в кустах на краю поляны как раз перед тем, как владелец голоса вышел на нее.

– Он! – вместе прошептали мы с Гамаюном.

Знакомый мне молодец стоял у нашего пенька и оглядывался – видимо, прикидывал, в какую сторону направиться.

– Ты его знаешь? – опять одновременно спросили друг у друга.

– Ты первый говори, – ткнула птицу в бок.

– А чего это я? Сама, небось, на него глаз положила, а теперь по кустам прячешься, – проворчал недовольный Гамаюн.

– Ты хоть думай иногда! – чуть громче на него прошипела, – Если бы положила, зачем бы по кустам пряталась? – постучала ему по лбу. Звук получился хороший такой, звонкий.

– Значит, колдануть на него успела, – предположил следующее.

– Он что ли тебя полетать попросил? – кивнула в сторону молодца на поляне.

– Он, – проворчал Гамаюн.

– И кто это у нас тут? – раздался мужской голос, и кусты над нашими головами раздвинулись.

Мы вжали головы в плечи.

– Может, ты его развеешь? – с надеждой шепотом спросил Гамаюн.

– Пробовала, не получилось, – так же шепотом ответила ему.

– Ах, так это ты?! – меня потащили за косы из кустов.

– Мамоchка, – пискнула, перебирая ногами, стараясь успеть за своей головой.

Гамаюн важно вышел из кустов с видом боевого петуха.

– Ты почто девку за косы таскаешь? – грозно спросил Гамаюн и стал лапами землю рыть, ну точно, как наш петух в курятнике, перед тем как напасть.

– Она меня знаешь, как приложила? – я запрокинула голову и увидела лицо молодца.

– Это я? – удивилась последствиям своей тяжелой руки.

– Ты хочешь сказать, что князю какая-то девчонка фонарь в пол-лица смогла поставить?

Да скажи кому – засмеют! – категорично заявил Гамаюн.

– Она не девчонка, она колдунья! – уже не так уверенно сказал князь.

– Так она же не колдовством тебе фонарь поставила, – покачал головой Гамаюн.

– Нечего было целоваться лезть! – с обидой высказала князю, отбирая свои косы.

Вот братцы тоже первым делом за них хватаются. Как только чуть пошутишь над ними немного, так сразу же косам достается.

– А ты из воды голая вышла! – нашел оправдание!

– А ты мое платье стащил! – поднялась на ноги, ткнула в грудь князя пальцем.

– А ты вся светишься на солнце! – стал отступать от меня князь.

– И что, сразу целоваться лезть?! – продолжала тыкать в него пальцем, а мышцы там, как железные, даже пальцу больно.

– Первая семейная ссора, как мило, – смахнул слезу под глазом пером крыла Гамаюн.

– Еще чего! – развернулись к нему одновременно.

– Нужен мне этот вор моего платья! – возмутилась тут же.

– Еще колдуньи мне в жены не хватало! – не остался в долгу князь.

– А куда вы теперь денетесь? – развел в стороны крылья довольный Гамаюн.

– Что значит, куда денемся?! – переспросил князь, я же и вовсе просто стояла с открытым ртом.

– А то и значит, – гордо выпрямился перед нами Гамаюн, – Вижу я ваше будущее!

– Не верь ему, – дернула за рукав князя, – Не может он вещать, не получается у него.

– Может, тебя еще раз полетать отправить? – стал закатывать рукава князь.

– Не надо, я сам, – гордо прошел в сторону Гамаюн и взлетел на ветку дерева, где и присел, нахохлившись.

Мы проводили взглядом вещую птицу и посмотрели друг на друга. В глазах князя по-прежнему были золотые искорки смеха, ему явно нравилась вся эта ситуация.

– Князь, давай я тебя полечу, – провела пальчиками по ушибленному месту.

– Как зовут тебя? – он перехватил мою руку и поцеловал ладошку.

– Веселинка, – ответила, смутившись, и забрала свою руку.

– Ну что ж, лечи, колдунья, – весело сказал князь и присел на пенек.

Он смотрел на меня своими смеющимися карими глазами и мешал сосредоточиться. Все же справилась с собой, остановила внутренний диалог, и стала шептать тихо-тихо заклинание на исцеление, водя руками у его лица.

Князь не обращал внимания на мелькающие перед ним ладони, он не сводил взгляда с меня. Зорко осматривал лицо, волосы, фигуру. Но я уже не отвлекалась, привычное дело заставляло сконцентрироваться на лечении.

– Все, князь, осталось умыться ключевой водицей, – стряхнула с рук остатки болезни в землю.

Земля всё принимает. Провела ладонями по его лицу и снова ощутила поцелуй на ладонях.

– Князь! – возмутилась, – Прекрати!

– А вот и вторая ссора! – радостно возвестил Гамаюн.

Повернулась к птице, и его сдуло ветром с ветки.

– Вот-вот, милые бранятся, а Гамаюн пострадавший, – почесывая ушибленный бок, встал на лапы Гамаюн.

– Говоришь, умыться надо? Где тут у вас ключевая вода? – спросил князь, рассматривая Гамаюна.

– Провожу, – согласилась с князем. Надо всё доделать, тогда даже следа не останется от синяка вокруг глаза.

Пошла по тропинке, князь за мной, даже спиной чувствовала его оценивающий взгляд. Совсем неприлично он себя вел. Гамаюн, переваливаясь, шел следом за нами, сохраняя свои тылы от князя подальше.

Глава 3

Ключ бил недалеко. Лес я знала хорошо. Здесь жила, выросла, каждое дереве мне знакомо.

Князь умылся, локоны намокли и завились еще сильнее. Протянула ему тонкое полотенце.

– Спасибо, Веселинка, – с улыбкой принялся вытираться князь.

– А может ты голодный? – неожиданно вспомнила о гостеприимстве.

– Очень! Уже который день здесь хожу, никак домой попасть не могу. Куда это я попал? – спросил довольный князь, поглядывая, как я раскладываю на траве снедь, что бабушка мне с собой выдала.

– Как, куда? В сказку, – удивилась его вопросу.

– Так прям и в сказку? – усмехнулся довольный князь.

– Да, в самую настоящую сказку, – подтвердила ему.

– Как же я мог попасть сюда? – удивился князь.

– Известно, как, перенесся к нам сквозь грань между миром и сказкой, – пояснила ему.

Князь молча ел, задумчиво глядя на ключ у своих ног.

– А в мир мне теперь как попасть? – решительно спросил он и поднял на меня свои карие глаза.

– Грань эту найти нужно и обратно перейти, – ответила ему, а внутри что-то было против того, чтобы князь уходил из сказки.

– Помочь можете? Мне надо как можно скорее в мир возвращаться, – совершенно серьезно сказал князь.

– Там что-то случилось? – встревожено спросила его.

– Чернобог стал людей похищать и деревеньки жечь. Я только к нему подобрался, как здесь, в сказке оказался, – стукнул кулаком по коленке князь.

– Чернобог? – воскликнули мы вместе с Гамаюном.

– Ох, батюшки, что делается! – расстроилась совсем.

– Дружина перед Чернобогом осталась без меня. Я ж думал, что с его войском воюю, – расстроено сказал князь. – Веселина, ты же колдунья! Помоги, люди же гибнут! Дружина моя, не знаю, выжила ли!

И взгляд у него совсем другим стал. Серьезный и просящий одновременно.

– Помогу, конечно помогу, князь, – кивнула ему.

– Помирились, – вздохнул Гамаюн. – Ну, значит мне пора, девочки мои там без меня заскучали.

– Подскажи хоть, где грань искать? – успела спросить птицу, пока он разбег для полета набирал.

– А ты не знаешь, что ли? – остановился Гамаюн на взлете.

– Не приходилось как-то, – пожала плечами.

– Тогда сейчас пойдете по тропинке, а за дубом повернете направо, упретесь в избушку, – стал говорить Гамаюн.

– Так там Ягуша живет! Нет там никакой грани, – остановила его.

– Ты с Ягой дружишь? – удивился Гамаюн.

– Конечно, и с Ягушей, и с Береникой, – подтвердила ему.

– У Яги спросишь, где грань найти, она знает, – сказал Гамаюн, взлетел и исчез высоко в небе, оставив нас с князем одних.

– Пошли? – повернулась к нему.

Тропинка точно привела к подружкиному порогу. Ягуша как раз закончила занятия и радостно кинулась ко мне шею, обнимая.

– А это что за добрый молодец? – спросила Ягуша, с интересом рассматривая князя.

– Это? Это ... – замялась, вспомнив, что не знаю имени князя. – Ягуша, это князь ...

– Игорь, – подсказал он.

– Князь Игорь, он мирской, в сказку к нам попал случайно. Теперь нужно помочь обратно грань перейти, там Чернобог лютует, – попросила Ягушу.

– Мирской, – принялась Ягуша к нему, – А может мне на супчик пойдет? Что таким добром раскидываться?

– Ягушенька, мы серьезно. Там Чернобог лютует, люди гибнут, – умоляюще посмотрела на подружку.

– Так он не пристаёт к тебе? Ты не поэтому от него избавиться хочешь? – удивилась Ягуша.

– Нет, что ты, родненькая, помочь ему нужно. Дружина перед Чернобогом без князя осталась, – продолжала убеждать подружку.

– Ладно уж, помогу, – помолчав, решила Ягуша, – Заходите.

Ягуша отошла от двери, пропуская нас в дом. Князь спокойно прошел за мной.

– Не пристаю? – тихо шепнул мне на ухо, воспользовавшись тем, что ему пришлось наклониться, когда входил низенькую дверь.

Шикнула на него, он улыбнулся в ответ.

Ягуша убрала заслонку с печи и стала её растапливать. Дров напихала, свечу в руки взяла, поднесла к дровам и подула на огонек, тот перескочил в печку и побежал, зажигая дерево.

– Ну, что, молодец, садись! – весело сказала Ягуша, подавая здоровенную жаровню тому под ноги.

– Это что же ты, меня в печь засунешь? – удивился князь.

– А как же! И ты в мир уйдешь, и мне на похлебку останется, – сообщила ему довольная Ягуша.

– Ягушенька, подруженька, не пугай князя, – попросила ее.

– Садись, садись, не сомневайся, – улыбаясь сказала подружка.

Князь с решимостью ведомого на костер сел на жаровню, ноги в коленях согнул, чтобы поместиться. Ягуша метелку свою взяла и стала кружиться на месте, замечая вокруг себя. Вихрь поднялся, а подружка приговаривает:

– *Грань, отройся, в мир пусти, мыслей добрых принеси, в мире том полно беды, вымети их все следы.*

Огонь вспыхнул в печи еще сильнее. Пламя загудело. Жаровня приподнялась над полом. Князь обернулся на меня, протянул руку попрощаться, я в ответ тоже протянула, пожала ее. Не успела отпустить руку князя, как жаровня резко кинулась в пламя, а Игорь от неожиданности сжал мою кисть сильнее. Меня вместе с князем и утянуло в печь.

– Веселинкаааа! – понеслось нам в след.

Мы летели сквозь гудящий огонь, князь, поняв, что случилось, держал крепко, чтобы не потерять меня.

Потом пламя резко закончилось, и свет ударил по глазам, я резко вскинула руку, чтобы прикрыться, и потеряла руку князя. Падение было долгим и медленным, приземлилась на ноги. Огляделась. Лес, похожий на сказочный, ничего не обычного не заметно. А вот воздух другой, дымом пахнет, и волшебства не чувствовалось.

Что же теперь делать? В какую сторону направиться? Решила идти в сторону реки, оттуда шел легкий запах влаги – может, русалку встречу, расспрошу, как домой вернуться.

Пробиралась между кустами. Платье за все веточки старательно цеплялось, ветки деревьев в косы стремились впиться. Неприятный лес какой-то, не то что дома, в сказке. Каж-

дый кустик и веточка тебе радуется. А здесь – как будто специально старались задержать меня, не пустить. Непокойно стало на душе, тревожно. Птицы не щебечут, даже вороны не каркают, и сороки не трещат.

Речка меня тоже поразила. Добралась к ней поцарапанная, в порванном платье, растрепанная. Тина тянулась по воде, на сколько хватало глаз. Не было привычных мне кувшинок, только коряги торчали из воды.

– Речные девы, подружки мои, придите к колдунье, скажите проблемы свои. – проговорила тихо, опустив руку в воду.

Видела, как слова вибрируют и уходят на дно, но ответа не было. Я повторяла и повторяла заклинание, но только тишина вокруг, и рябь от моих слов.

Вдруг вода вспучилась, зловонный пузырь лопнул, обдав меня зеленой жижей. Над поверхностью воды показалась голова болотника. Сам весь зеленый, лицо в наростах, и взгляд недовольный.

– Ты чего орешь тут? – прохрипел мне простуженным голосом хозяин этой речушки.

– Так не ору, дяденька, – улыбнулась и стала вытираться тем полотенцем, что князь вытирался, и запах его остался.

– Не боишься меня? – удивился болотник.

– Не боюсь, дяденька, – убрала полотенце обратно в сумку.

– А что так? – немного повеселен болотник.

– Ведьма я, – не задумываясь, ответила и тут же пожалела.

– Ведьма!!! – заорал не своим голосом болотник, выпрыгнул из воды вверх, и со всего размаху шлепнулся обратно в зеленую жижу, окатив при этом меня с ног до головы.

– Что это вы, дяденька, так ведьм не любите? – обиделась на него.

– С чего мне их любить? Ты посмотри, до чего лес довели! А мою речку? – и тут болотник расплакался.

Вот самыми что ни на есть зелеными слезами плакал, да так жалостливо, как ребенок с подвываниями.

– На меня твой плач не подействует, – предупредила его на всякий случай, чтобы не старался.

– Так не специально плачу, – рыдал болотник, – Ведьмы загубили весь лес. Люди ни по грибы, ни по ягоды, ни за дровами теперь не ходят. Русалок ведьмы извели, а речку остановили. Видишь, какая стала? – развел руками в стороны болотник. И столько горя в его словах было.

– Дяденька, а я не знаю, куда идти. Мне бы домой попасть, – посмотрела на него умоляюще.

– Живешь где? – тут же спросил болотник.

– В сказке, – вздохнула, понимая все трудности, связанные с возвратом домой.

– Где-Где? – удивился болотник, – В сказке? Ишь, ты. – замолчал надолго, потом спросил, – Ведьма у вас там такая была, Мирослава, знаешь ее?

– Бабушка моя, – закивала в ответ.

– Так ты Веселина! – хлопнул болотник себя по бокам руками, отчего брызги зеленой жижи опять меня окатили.

– Дядечка, помоги домой вернуться, – попросила его.

– Так как же внучке самой Мирославы не помочь, – засуетился болотник, – Только трудное это дело. Сейчас леса стали непроходимые, опасные, если не лихой человек, так хищник напасть может. Ты в город наш сначала иди, к князю, он тебе дружинников даст в охрану, а потом уже к грани пойдешь. Здесь не далеко, да только сама не дойдешь.

– Не хочу я к князю вашему идти, – надулась, – Сама дойду. Говори, куда идти.

– Все равно через город идти надо. С той стороны города заброшенная избушка Яги стоит, вот в ней-то грань и проходит. – сказал болотник. – А князь наш добрый, девушку не обидит.

– Не обидит, как же! – буркнула себе под нос, но болотник услышал.

– Встречалась с князем нашим? – тут же спросил.

– Встречалась, в сказке, он к нам случайно попал. Ему помогла из сказки выйти, да сама к вам попала, – вздохнула, все это время пытаясь отряхнуть зелень с платья и волос.

– Так сильно не понравился? – хитро прищурился болотник.

– А ты его знаешь? – спросила его, стараясь уйти от темы.

– Знаю, конечно. Он с Чернобогом сейчас сражается, ведьм ученых вывести старается, леса восстанавливает, деревни. Всё для людей делает. Да мало сил у него. – огорченно вздохнул болотник, отчего пошла рябь по поверхности воды. – И помочь ему никто не хочет, бьется один над всем этим наш князюшка.

– У него дружина есть, – неуверенно сказала болотнику.

– Дружина-то есть. Да мало там богатырей. Из селян набрал себе войско. А какие из них вояки? И ведьмы со всех сторон мутят. Трудно князюшке, – и так пригорюнился болотник, что опять слезу пустил.

Если б не знала всю игру болотников на жалость людскую, обязательно бы поверила.

– Говори, зачем тебе нужно, чтобы я князю помогла, – твердо спросила болотника.

– Точно внучка Мирославы! – радостно воскликнул болотник. – Понимаешь, Веселинушка, князь наш совсем одиначенек, нет ему жены верной. Вот ты бы подошла ему. А мне в мире жить хочется, и речка чтобы чистая была.

– И ты туда же! – в негодовании всплеснула руками, – Гамаюн нас сватает друг другу, теперь ты вот!

– Эта которая из девочек судьбу тебе с князем предсказала? – поинтересовался болотник.

– Не которая, а который. Мужчина Гамаюн с узкой специализацией у них там, – ответила ему.

Болотник забулькал от смеха и ушел под воду, оттуда только пузыри всплывали долго, никак просмеяться не мог.

– Этот может, – сообщил мне болотник, наконец, всплыв на поверхность. – Он вообще вестник любви, много детей родилось от него Эээ ... От его предсказаний, – продолжал смеяться болотник.

– Разве это плохо? – удивилась его смеху.

– Ну, это смотря в какой ситуации. Ты с ним, Веселинушка, поосторожнее, в смысле с его предсказаниями, – поправился болотник.

– Так он сам сказал, что как вещун не очень, – пожала плечами на его предупреждение.

– Да, вещун он никакой! – махнул рукой болотник, – Правильно ты сказала – узкая специализация у него.

– Так куда идти мне, дяденька? – перевела разговор на более нужную тему.

– Вот тебе сучок, – болотник достал из-под воды небольшую коряжку, – Положи на ладонь, он направление покажет. Да только показывать сможет, если мокрым будет, поливать не забывай. Приведет тебя сучок к князю, а потом, когда соберешься к грани идти, попроси его: «Будь путеводным к ...» и назовешь место, куда идти надо.

– Благодарствую тебе, дяденька, – низко поклонилась болотнику.

– Передавай привет Мирославе, – на прощание попросил болотник.

Эх, торопилась, не спросила, как же они с бабушкой познакомились. Бабушку потом спрошу.

Сучок показывал прямо, ему все равно было, дерево передо мной, или ров с грязью, или топь непроходимая. Он только указывал направление, хорошо хоть подстраивался после того как я сворачивала с нужного курса, и выводил обратно на непролазную дорогу.

А вокруг было жутко, как будто лес доживает последние дни свои. Сухие деревья, поваленные стволы все время встречались. Зверей совсем не видно было: белки не скакали, лисы не пробегали, зайцы из норок своих не выглядывали, птицы молчали. Почти мертвый лес, не было жизни в нем, не было радости.

Когда уже совсем сумерки наступили, расступился лес, выпустил из своих негостеприимных объятий на скошенное поле, а за ним дорога виднелась. Сучок показывал точно не нее. Прошла сквозь не сжатую пшеницу, осыпая семена в землю, вышла на дрогу. А на ней даже следов от телег нет, совсем заброшенный уголок здесь был, видать.

Присела у обочины, достала из сумки, что осталось покушать, и задумалась. Болотник говорил к князю идти, чтобы охрану дал. Да вот не хотелось мне снова с князем встречаться. Вспомнился нахальный поцелуй, и как в избе у Ягушеньки спросил: «Не приставай?!». Ох, не хотелось мне с ним снова встречаться.

Перекусив, пошла по дроге, тут уж сучок не нужен был, дорога шла прямо, никуда не сворачивая, и я убрала своего помощника в сумку.

Стены города показались уже затемно, высокие ворота, обитые кованым железом, заперты, не зайдешь. Что же мне, под стеной города ночевать?

Походила, побродила вокруг и вспомнила. У меня же сила есть теперь, ведьминская. Как же я за весь путь ни разу про нее не вспомнила?

Дождем здесь не поможешь, огнем тоже, не подкоп же под стены вести. А ветер? Как можно ветер попросить помочь? Позвала ветер, тот доверчиво в ладонь ткнулся. Собрала его рукой в ладошку, направила в землю, ветер уперся в землю, оттолкнулся от неё, и стал поднимать меня над городской стеной. Приземлил ветер меня мягко, встала прямо. Погладила помощника, пропустила его меж пальцев, поблагодарила. И на мою голову сверху одели мешок.

– Пустите! Я к князю иду! – стала брыкаться.

Вместо этого мне руки на спине закрутили, мешок привязали.

– С ним встретишься, не беспокойся, – раздался мужские голоса, и смех такой нехороший, что замерла сразу же. – Князь наш ведьм очень любит.

– Ну да, сначала любит, а потом на костер отправляет, – заржали мужики.

Поволокли меня по лестнице вниз. Спускались долго, мужчины всё шуточками перебрасывались. Толкнули куда-то, руки отпустили, лязгнула за моей спиной дверь.

Подняла руки, мешок сняла, огляделась. Подземелье.

«Подкоп надо было рыть» – мстительно подумала.

Хотя подкоп никогда не поздно сделать. Улыбнулась, потеряла ладони друг о друга, и приложила их к стене темницы. Мысленно позвала помощницу, она отозвалась дрожью. С кончиков пальцев отправила заклинание, чтоб разверзлась земля передо мной, и открылся проход за стены города.

Загудела земля, зашаталась башня, стали камни опадать к ногам из кладки. Затрещала земля за ними и стала расходиться в стороны, открывая проход к воздуху, за стены города.

– Ведьма! Стой! – раздалось за моей спиной.

Открылась дверь и в тесную камеру охрана ввалилась.

– Я же говорил, ее рук дело! – торжествующе заорал сухонький старичок в шлеме, на ушах висящем.

– Дяденька, за что ж вы так на меня? Я же ничего дурного не делала, к князю шла за помощью. А вы! Эх... – махнула рукой на них, их ветром посметало с ног и придавило камнями из кладки.

Шагнула в проход и пошла среди сырой земли, из которой корни торчали со всех сторон. За мной земля тут же закрывала проход, корни сплетались обратно, срастались. Так что пришлось поторопиться.

Воздух ударил пьяным и сладким ароматом свободы и свежести. Правильно решила к князю не идти. Переночую в лесу, от меня не убудет. Всё равно в подземелье тоже пол земляной был.

Послышался стук копыт – явно меня искали. Я как заяц прыгнула в кусты и пустилась в заросли, подальше от этого негостеприимного города.

Погоня пронеслась мимо, меня не заметили. Спокойно осмотрелась, прошлась немного вокруг, выбирая место посуше. Свернула сумку под голову и легла на сухие листья, что собрала вокруг. Птица сна прилетела сразу, накрыв своими крыльями и подарив яркие картинки.

Утром проснулась от того, что меня ласково поглаживали, перебирая волосы, а голова уютно лежала на чьих-то коленях.

– Бабушка, я спать хочу, – не открывая глаз, сказала.

– Тогда отнесу тебя в кроватку, там будешь свои сны досыпать, – раздался голос князя надо мной.

Подскочила в момент, как не спала. Князь сидел на траве и улыбался.

– Ты как меня нашел? – распахнула на него глаза.

– Ты не далеко ушла. Перепугала всю мою охрану, – золотые смешинки в глазах князя так и плясали.

– Они меня в темницу кинули, и мешок на голову одели, – обиженно сказала ему, стараясь привести косу в порядок после сна.

В волосах набилась трава и ветки во время вчерашнего пути.

– Так ты же не через ворота зашла, а ночью на стену взлетела. Приказ у нас по всему княжеству строгий: ведьм отлавливать и в темницу бросать, потому как ... – тут он вздохнул и не стал договаривать, а в глазах такое горе отобразилось.

– Что ж ты, князь, всех ведьм без разбора в темницы бросаешь? Ведьмы разные бывают, – ласково сказала ему, – Не печалься так, будет тебе помощь.

– Уж не ты ли будешь помогать? – улыбнулся снова князь.

– Я. А еще братьев позову. Чернобога надо наказать и с учеными ведьмами разобраться. – совершенно серьезно сказала ему.

– Так что, спасительница моя, раз так, пошли в мой терем? – весело спросил князь и руку подал, чтобы помочь.

– Э, нет, в терем твой не пойду, – тут же отказалась и руку убрала.

– В темнице быть не хочешь, в терем ко мне не пойдешь. Где же ты жить собралась, пока помогать будешь? Здесь, на травке? – весело спросил князь, показывая рукой на землю.

– Мне бы к пожилой женщине на постой, я ей по хозяйству могу помогать, – предложила ему.

– Есть у меня на примете такая. Покажу, где жить будешь, – тут же согласился князь.

На коня посадил перед собой, взял уздечку в руки и осторожно тронулся с места, дружинники следом за нами.

В город теперь въехала через главные ворота, в объятиях, можно сказать, князя, который поддерживал меня с обеих сторон. Люди выбегали на улицы, перешептывались, глазели на нас, провожали. Дети бежали впереди нас, что-то выкрикивая. К концу нашего пути собралась порядочная толпа, от которой очень ясно было слышно: «Невесту привез».

– Князь, скажи им, что я не невеста тебе, – повернулась на моего спутника.

А тот улыбнулся и легко поцеловал меня, вместо ответа. Народ радостно стал выкрикивать поздравления.

– Ты что творишь? – зашипела на него. – Я тебе не невеста!
– Будешь, – спокойно сказал мне, наклоняясь к моему уху, князь.
– Не буду! – отрезала ему.
– Тогда сразу женой, – тут же согласился князь.
– Князь, да ты в своем уме?! – снова повернулась, но уже аккуратнее, чтобы снова под поцелуй не попасть. – Не буду я тебе женой!
– Посмотрим, – примирительно произнес князь и остановил коня.
Приехали мы к порогу терема. Князь легко соскочил на землю и подставил руки для меня.
– Я сама, – гордо произнесла ему и стала слазить, но зацепилась ногой за стремя и полетела вниз.

Князь поймал меня на руки и, не смотря на мое сопротивление, прижал сильней к себе и стал подниматься по лестнице, под громкие и восторженные крики толпы. Так на руках князя меня внесли в его терем, но и там тоже не отпустили на пол.

Встретила нас пожилая женщина, очень похожая на князя, точнее, он на нее. С такими же карими глазами, с такими же золотистыми искорками.

- Невесту привез, сынок? – ласково спросила женщина.
- Нет, жену, – ответил довольный князь.
- Пусти, – забила в его руках.
- Как зовут тебя, красавица? Игорь, отпусти девушку, – подошла к нам женщина.
- Веселина, – ответила ей, уже стоя на полу и поправляя на себе платье.
- Пойдем со мной, Веселина, – женщина взяла меня за руку и повела из горницы.

Я вздохнула с облегчением: мы были на женской половине терема, это было видно сразу. Обереги на здоровье хозяйки дома, хранительницы очага. Вышитые рушники на защиту и ограждение от аспидов.

Глава 4

Домовихи выглядывали из углов, бросая быстрые взгляды на меня, и прятались обратно. Домовята перебежали из горницы в горницу, разглядывая меня и переговариваясь. Один раз поймала цветочный горшок, который эти озорники зацепили, заболтавшись между собой. Я им подмигнула и тихо, пока не увидела хозяйка дома, поставила на место. Радостные мордашки домовят говорили, что мы подружимся. Домовой не показывался. Может, считал, что невелика птица для его внимания, а может, сама новость моего появления не интересовала.

Терем мне понравился, волшебства в нем хоть и не было, но обитатели жили в нем добрые и отзывчивые. Встречные женщины улыбались нам навстречу и кланялись в пояс, приветствуя хозяйку и меня. Я отвечала таким же вежливым поклоном, хозяйка улыбалась, каждую называла по имени и кивала, здороваясь. Понравилось мне здесь.

Светелка, куда меня привели, была просторная, кровать, комод, два стула. На окнах занавески кружевные, на подоконнике цветы, на полу коврик шерстяной плетеный. Оберег – птица Матери Сва – расправила крылья под потолком. Как только мы зашли, Матерь Сва повернулась на нас, покачиваясь, она просто парила в воздухе. А вот это уже волшебство, самое настоящее. Очень сильная колдунья сделала этот оберег.

– Садись, Веселина, – сказала женщина и присела на один из стульев

Присела на второй, продолжая оглядываться и осматриваться. Домовята, увидев серьезное лицо хозяйки дома, исчезли и больше не показывались.

– Расскажи, кто ты? Откуда? Почему мой сын тебя выбрал? – мягким голосом спросила княгиня.

– Я – ведьма, зовут Веселина, живу в сказке, с мамой, папой, бабушкой и семьей братьями. Почему князь Игорь меня выбрал – не знаю. Я ему своего согласия не давала, – гордо вскинула носик при последних словах.

– Поторопился сынок. Вижу, девушка ты с характером, – улыбнулась последним моим словам княгиня. – Зовут меня Ярина, я мать князя Игоря. Где вы познакомились? Что-то он не рассказывал, что встретил девушку, которую хочет взять в жены.

– В сказке познакомились. Князь Игорь попросил помочь ему пройти грань, а меня случайно вместе с ним занесло, – со вздохом рассказала княгине Ярине.

– Говоришь, ведьма ты? – спросила княгиня.

– Ведьма. У нас в семье все женщины – природные ведьмы. И мама моя силу от бабушки получила, и я недавно от своей. – подтвердила ее слова.

– Игорь знает, что ты ведьма? – спокойно спросила Ярина.

– Знает. В сказке видел мою силу, – кивнула в ответ.

– Не любит Игорь ведьм, – покачала головой Ярина.

– Знаю всё. И про Чернобога, и про ученых ведьм, что порчу навели на княжество, – грустно сказала княгине. – Обещала помочь вашему сыну. Братьев позову в помощь.

– Ой, деточка, где тебе с Чернобогом тягаться, – всплеснула руками княгиня. – Женское ли дело воевать? Твое дело в светелке жениха или мужа дожидаться.

– Ведьма я! – гордо вскинула носик, – Не могу дома отсиживаться, когда мир рушится.

– Женщина ты. Тебе с детьми сидеть нужно, – твердо завила мне княгиня.

– Какими еще детьми? – удивилась ее словам.

– Как, с каким? Вашими с Игорем. Не зря же он называл тебя своей женой. – В голосе, мягкой до этого, княгини послышался металл.

Не зря, ой не зря домовята попрятались, как только увидели серьезное лицо княгини. До меня только сейчас стало доходить понимание положения, в которое я попала. Посмотрела на Матерь Сва, она была спокойна, значит, беда мне здесь не грозила.

– До детей еще не скоро в любом случае! – так же твердо сообщила ей.

– Ничего, я подожду, – тут же согласилась княгиня. – Но и тебе рисковать вашими детьми не позволю! – снова зазвучавший металл в голосе заставил меня озадачиться.

– Что вы имеете в виду? – решила уточнить.

– Игорь не стал бы называть тебя своей женой, если бы ты не ждала ребенка, – сказала мне Ярина, и уверенно встала, не ожидая от меня подтверждения или отрицания этого факта – Из терема ни ногой! Тебя охранять будут!

Княгиня вышла из светелки, закрыв за собой дверь на ключ из связки, что висела у нее на поясе. Проводила ее вытаращенными глазами, даже ресницами хлопать забыла от удивления.

Мать Сва спокойно покачивалась под потолком, по ее разумению всё было в порядке. Шумно появились домовихи с домовятами.

– Ой, матушки, а у нас младенец скоро будет. Счастье-то какое! – переговаривались они, оценивающе разглядывая мое недоуменную фигуру, сидящую на стуле.

– Хозяйка, срок тебе когда? – обернулась ко мне одна из домових.

– Не будет никакого младенчика! – в сердцах воскликнула я.

– Ой, матушка! Ты что же это удумала? Не смей! Светлобог не простит тебе такого! Нельзя дитя жизни лишать! – заохали, запричитали домовихи, а домовята пригорюнились, как будто их лишили лучшего друга по забавам.

– Вы чего причитаете?! – возмутилась на них. – Не жду я ребенка. И за князя вашего не пойду! Слышите? Не люб он мне! Ведьма я!

Они отпрянули от меня, Мать Сва безмятежно качалась в воздухе – ей все было ведомо.

– Хозяйка, а что ж тогда князюшка тебя женой назвал? – робко спросила одна из домових.

– Вот у него и спросите! – отрезала им.

– Не, суров князь, не привечает нас. Не пойдем к нему, – тут же замотали головами домовихи.

– Матушки, помогите! – обратилась к ним. – Я князю помощь обещала, от Чернобога мир спасти, братьев-богатырей привести на помощь. А княгиня Ярина меня здесь заперла. Не хочу я за князя замуж. Неужто вы не поможете княжеству своему?

Домовихи стали переглядываться, шушукаться, домовята тут же скрылись.

– Говоришь, помочь хочешь против Чернобога князю нашему? – раздался скрипучий бас домового.

– Хочу, батюшка домовой, – встала и низко поклонилась хозяину терема.

Всё в его власти здесь. Сохранить запасы, семью, замки от лихого люда убересть, мир в семье и лад тоже ему подвластен.

– Ведьма ты? Природная? – прищурился домовой на меня.

– Природная, батюшка домовой, из сказки я, – подтвердила ему.

– Сколько живу, первый раз вижу в этом тереме природную ведьму, – задумчиво сказал домовой.

А я тут же подумала, значит, были тут ученые ведьмы, что ли? Но промолчала, сейчас домовой судьбу решал мою. Вопросы потом задать можно будет, когда домовой для себя решит, что не причиню вреда этому дому. Конечно, с моей силой я и сама могу уйти от сюда, из подземелья не сложнее было, но не хотелось бы рушить терем ради того, чтобы доказывать свою правоту.

– Поможем, – кивнул домовой и повернулся к своим домовихам. – Ведьме помогать во всем, природная она. Что скажет, всё делаете. У природных ведьм сердце доброе, зла не делает.

Домовой степенно растворился в воздухе, не утруждая себя прохождением сквозь стены. Домовихи шушукались и подпихивали друг друга.

– Хозяйка, чем помочь можем? – поклонились они.

– Исккупаться мне, а то в лесу ночевать пришлось, – сказала им с улыбкой, зная, что нет ничего лучше, чем попросить домових сделать то, что они умеют.

– Так мы сейчас, хозяйюшка, – засуетились тут же домовихи и скрылись из светелки.

Наступила тишина, даже непривычно стало как-то. Матерь Сва спокойно покачивалась, она все знала, ее ничего не беспокоило. А меня беспокоила вся эта ситуация.

Собралась домой – попала в руки к князю, хотела помочь ему – заперли в светелке. Что ж за судьба такая. Вспомнились глаза князя, его губы, и дух захватило. Отвлекли домовихи, которые шумно вернулись в светелку с водой и купелью. Суета вокруг меня длилась не долго, погрузилась в горячую воду и закрыла глаза от удовольствия.

– Веселина, – проговорил голос князя от дверей.

– Сгинь, окаянный! – швырнула в него мокрое полотенце, которым как раз мылась перед этим.

– Не подумаю, – зашел князь в светелку и дверь за собой на ключ закрыл.

Оглянулась – домовихи шустро убегали из светелки, нет мне помощи и поддержки. Вспомнила, что они жутко боялись князя.

Потянула на себя еще одно полотенце, не сводила с него внимательного взгляда.

– Ты как сюда вошел? – подозрительно спросила Игоря.

– У матери ключ взял. Я же тебе муж, ты же не захотела быть невестой, – улыбнулся он мне.

– А если бы была невестой? – спросила его.

– Ключ не дала бы. – князь был доволен такой ситуаций и просто лучился счастьем.

– Я на жену тоже не соглашалась, – возразила ему.

– Мать и народ признал в тебе мою жену. Так что ... – он развел руками.

– Жена, говоришь? – мстительно прищурилась, – Тогда раздевайся! – приказала ему.

– Что? – опешил князь.

– Если я тебе жена, значит, ты мне муж? – сладко улыбнулась ему, скрывая хищную улыбку. – Раздевайся, и ко мне, купаться вместе будем, – промурлыкала ему.

Глаза князя полыхнули огнем, он быстро разделся, срывая с себя одежду. Остался обнаженным. Наклонила голову, с прищуром оценивая его. Семеро братьев давно приучили к своей наготы, все погодки, росли вместе, так что голый князь меня не испугал, скорее разбудил какое-то другое чувство, которое постаралась загнать подальше, в предвкушении мщения его нахальству.

Князь залез ко мне в воду и опустил на дно, протянула ему холщевую ткань.

– Спинку помой, – повернулась к нему спиной и посмотрела на Матерь Сва.

Птица пришла в движение: волшебство работало. Князь сначала неуверенными движениями, а потом, немного освоившись, стал спокойно мыть меня.

– С волосами поможешь? – проворковала ему, в прищуре наблюдая за Матерью Сва.

Князь с готовностью расплел мокрую косу и принялся намыливать и перебирать локоны. Приятно так было, что я закрыла глаза и мне даже показалось, что я дома, в своей бане, и моет мне волосы наша банница. Замурлыкала привычную песенку.

Легкий поцелуй в висок, потом за подбородок повернул лицо к себе и впился губами, руки стиснули грудь, прижимая к себе. Дыхание у меня закончилось, настолько был долгим поцелуй, руки волновали, в груди зажегся огонь и расползался по телу, зажигая и ослабляя одновременно.

Руки князя прошлись по моему телу, словно исследуя новую территорию, возвращались и уже уверенно себя вели, как будто тут их законное место. Я не сопротивлялась, мне было приятно и интересно. Ощущения были новыми и необычными, а еще была уверена в Матери Сва, да и волшебство работало.

Князь потянул и пересадил лицом к себе. Волосы его, как тогда у ручья, намокли и вились прядями, глаза уже не искрились, а сверкали золотыми искорками, казалось, скоро полыхнет пламя. И оно полыхнуло, и у него, и у меня. Я приникла к его губам, не в силах оторваться от него. Игорь поглаживал поясницу, прижимая к себе всё теснее, заставляя дышать глубже. В остывающей воде мне становилось все жарче. Обняла его ногами, так казалось удобней, Игорь подхватил меня и приподнял, стараясь посадить удобнее.

В этот момент Мать Сва слетела к нам и ткнула сначала князя по темечку, а потом меня. Мы оба ойкнули и стали тереть макушки, морщась от боли. С меня пыл сразу сошел, удар птицы пришелся вовремя, потому что в этот момент просто забыла, что я ведьма, и у меня сила не улеглась.

Князь зло посмотрел на птицу, которая несколькими взмахами крыльев вернулась обратно под потолок.

– Вот так, князь, – сказала довольная, – Мать Сва говорит, что не жена я тебе.

– Что она понимает, птица деревянная? – прошипел на нее князь обиженно.

Мать Сва наклонила голову и курлыкнула, князь тут же замолчал.

– Она что, понимает? – удивленно спросил меня.

– Понимает, она же волшебная, – подтвердила ему, – Так что, князь, что бы там не решил народ или твоя мама, а свадебного обряда не было, Светлобог не соединял нас, не жена я тебе, и даже не невеста.

– Будешь! – решительно сказал князь и поднялся из купели.

Прямо на мокрое тело накинул рубашку тонкого полотна, натянул штаны, остальное взял в руки. Открыл дверь ключом и вышел, громко хлопнув дверью.

– Хозяйка, так что, обряда не было? – тут же раздался любопытный вопрос от домових, которые вылезли из стены.

– Не было, – тряхнула головой. – Я вам всё время это твержу, а вы меня не слушаете.

– И невестой тебя не называл? – недоумевали домовихи.

– Даже к моим родителям не ходил! – припечатала им.

Домовихи заохали, заахали, стали переговариваться, загудели, зашумели.

– Не правильно это! – выдали они свой вердикт.

– Вот и я так считаю, – кивнула им.

– Так что, младенчика не будет? – раздался жалобный голосок домовенки.

На нее зашикали, зацокали, но на меня домовихи смотрели с вопросом в глазах.

– Тетушки домовихи, кроме поцелуя, который князь у меня украл, не было ничего, – домовихи одобрительно загудели.

– Поторопился князюшка, видать, совсем душой присох, раз на такую подлость пошел, что женой при всем народе назвал. Мы уж грешным делом подумали, дело молодое, добровольное, с кем не бывает, – домовихи только сильнее стали улыбаться и глаза их совсем светом добрым засияли.

– Как мне из-под опеки княгини Ярины выйти? – задумчиво спросила вслух сама себя.

Встала из купели и стала одевать свою грязную одежду, другой-то нет.

– С княгиней мы тебе поможем. Домовой сказал, чтобы мы тебя слушались, – закивали усердно домовихи.

– Тетушки домовихи, можете мне платье почистить? – попросила их.

– Конечно, Веселинушка, – тут же подскочили они и радостно сняли с меня платье, опять оставив меня раздетой.

Домовихи подхватили купель и дружно, переговариваясь, вышли из светелки.

Пришлось лечь в постель, не стоять же голой посреди комнаты?

Только прилегла, как снова дверь открылась, и вошла княгиня Ярина. Натянула покрывало по самый нос, внимательно наблюдая за женщиной, она явно была сердита.

- Почему Игорь вышел от тебя злой? – задала вопрос в лоб княгиня.
- Потому что понял, что был не прав, – пожала плечами под покрывалом и пробубнила там свои слова.
- Ты жена ему, почему муж твой вышел злым от тебя? – негодовала княгиня.
- С чего вы решили, что я ему жена? – возмутилась тут же.
- Игорь сказал, значит так и есть! – припечатала меня княгиня.
- Не правда! Не было у нас обряда, Светлобог не соединял нас. Игорь даже у моих родителей не был, – пробубнила все так же под покрывало.
- Тогда почему он тебя своей женой назвал? – повернулась ко мне княгиня и руки на груди сложила.
- У него спросите, – обижено сказала ей. – Я своего согласия даже на невесту не давала. Княгиня отвернулась и подошла к окну, молчала долго, потом повернулась и сказала:
- Раз мой сын назвал тебя своей женой, значит, так тому и быть! И не важно, почему он так поступил. Обряд будет, и как можно скорее. Решено, так и будет! – решительно сказала княгиня и вышла из светелки.
- Ушла! – раздался довольный голос домових.
- Хозяюшка, вот платье твое, одевайся, – ласковыми голосами стали говорить домовихи.
- Тетушки домовихи, мне в обряд никак нельзя. У меня сила еще не улеглась. Мы, ведьмы, из-за этого только после двадцати замуж выходим, а мне всего восемнадцать только исполнилось, – жалостно на них посмотрела.
- Ох, ты! Князь два года ждать точно не будет! Бежать тебе надо, дома отсидишься, – сообща решили домовихи.
- А с Чернобогом бороться? – задала им вопрос.
- Да что, мужиков мало? – возмутились домовихи.
- Веселина, – неожиданно раздался хриплый голос домового, – Тебе в сказку вернуться надо, и Светлобогу о наших мирских делах рассказать.
- Домовихи, враз примолкшие, как только заговорил домовый, после его слов тут же стали соглашаться с его словами.
- Вывести тебя из терема у нас не получится, – поохав и поговорив между собой, решили домовихи, – Надо ждать случая подходящего.
- Случай не заставил себя долго ждать. В дверь через час постучали, и вошли две мастерицы. В руках у них были ленты для замеров и корзинки со всякой мелочевкой для рукоделия.
- Нас княгиня послала, чтобы мы венчальное платье к утру сшили. – улыбаясь, но в то же время очень серьезно сказали мастерицы.
- Венчальное? А почему к утру? – переспросила их.
- Так на рассвете обряд будет, – сообщили мне улыбчивые мастерицы.
- Оглянулась на домових, те понятливо закивали. Мол, всё устроим в лучшем виде, и исчезли опять. Теперь я была в распоряжении мастериц.
- Ленточки для замеров мелькали перед глазами, мастерицы работали быстро, но не суетились. Всё у них было на подхвате. Единственное, что удивляло – меня не спрашивали ни о фасоне платья, ни о цвете ткани, ни о вышивке.
- Обычно вышивка делалась очень долго, потому что ведьмы вплетали заклинания в свое мастерство. Обереги на невесту, на жениха от злых глаз и чар. Пожелания здоровья и детей семье и благополучия. А сейчас такая спешка, никто о вышивке не говорит.
- Мастерицы, не задавая лишних вопросов, быстро сняли мерки, и вышли из светелки. Меня оставили одну. Мать Сва безмятежно покачивалась под потолком.
- Чуть позже за мной пришла девушка, пригласила на трапезу. Проводили в большую горницу, где был накрыт стол. Тарелок было не много, не как у нас в доме, когда собиралась вся семья. Ароматы дразнили, блюда притягивали взгляд.

Княгиня Ярина стояла у окна и задумчиво смотрела в него.

– Веселина, присаживайся, – мягко сказала она, повернувшись ко мне.

Присела на лавку, что стояла вдоль стены, княгиня рядом. Руки она сложила на коленях, весь ее вид был беспокойным и напряженным.

– Что-то случилось? – спросила ее, тоже начиная невольно волноваться.

– Игорь, – вздохнула княгиня, – Он, как от тебя вышел, вскочил на коня и до сих пор не вернулся. Боюсь за него, никого из дружинников с собой не взял.

– Я могу узнать, где он, – улыбнулась ей, с облегчением подумав, что вот тут могу ее успокоить.

– Как? – удивилась княгиня, а в глазах появилась надежда.

Подошла к столу и выбрала средних размеров тарелку, с блюда взяла небольшое яблочко.

– *Катись, катись, яблочко, да по тарелочке, покажи мне мир вокруг, князя Игоря, мой друг*, – дотронулась пальчиком до яблочка, и оно сначала закружилось на месте, а потом показилось по тарелочке.

Рисунок на дне тарелки пропал, а показался князь Игорь. Княгиня подошла к столу и заглянула мне через плечо. Князь Игорь огромным топором рубил древний дуб. Мы смотрели на полуобнаженного мужчину, который уже весь блестел от пота, но не останавливался.

Посмотрела на княгиню, она улыбалась, в ее взгляде была гордость за сына.

– Довела мужика, – улыбнулась мне Ярина, – Не скоро вернется. Давай трапезничать.

Княгиня присела к столу, я положила руку на тарелку и увидела, как князь обернулся, будто почувствовал, что на него смотрят. Рисунок проступил снова, и это стала была обычная тарелка.

Князь ворвался в горницу, едва мы успели приступить к еде. Ложка от неожиданности так и замерла перед ртом.

– Игорь, умойся и садись к столу, – строго сказала княгиня, как маленькому нашкодившему ребенку.

Князь послушно вышел и вернулся уже умытый и одетый во все свежее, опять влажные кудри вились вокруг лица. Невольно сглотнула при воспоминании о том, когда последний раз видела его с такими кудрями, а румянец запылал на щеках.

В этот раз Игорь зашел спокойно. И хотя взгляд от тарелки не поднимала, чувствовала, что он меня рассматривает.

– Игорь, садись. Не смущай Веселину, завтра, всё завтра, – с улыбкой мягко сказала княгиня.

Игорь сел напротив меня, через стол. Ел он степенно, с аппетитом, и очень изящно, что сразу же бросалось в глаза. Моих братьев бабушка всегда за столом гоняла, чтобы они вели себя прилично, а те всё норовили то пальцем, то рукавом в тарелку залезть.

– Мне показалось, ты меня позвала, – сказал князь через некоторое время, обращаясь ко мне.

– Ой, у меня же пироги на плите, не досмотрят домовихи, и сгорят! – воскликнула княгиня и быстро пошла к двери.

Если бы я не знала домових, с их серьезным отношением ко всякой домашней работе, поверила. А так лишь проводила ее недоуменным взглядом. Подняла глаза на Игоря.

– Князь, я своего согласия не давала, – твердо сказала ему, и взгляд не отвела, – Ты даже не спрашивал моих родителей!

– Веселина, мой народ уже считает тебя моей женой. Обряд – формальность, – Игорь замолчал. Я не отвечала, продолжая буравить его взглядом, – Ты не боишься, что скажут о тебе люди? – подначил меня он.

– Я ведьма! – гордо вскинула носик, – Свою судьбу выбираю сама! И живу в сказке.

– Веселина, запала ты мне в душу, – проговорил князь тем самым голосом, от которого заставил забыться тогда в купели. Все внутри затрепетало и устремилось ему на встречу.

Тряхнула головой.

– Князь, я обещала тебе помочь против Чернобога, а не замуж за тебя выходить! – твердо произнесла ему.

Игорь протянул руки через стол и накрыл мои серьезно сжатые кулачки.

– Неужто не люб я тебе? – а голос такой, обволакивающий.

Замотала головой, боясь, произнесли хоть слово.

Игорь встал, следила за ним настороженным взглядом, подошел ко мне.

– Веселинушка, любя ты мне. Ой, как любя. Не ради забавы назвал своей женой, хочу, чтобы ты была ею в моей жизни, – он протянул ко мне обе руки, позволяя сделать выбор – оттолкнуть его, или дать все права на себя.

– Князь, ведьма я, природная ведьма. Сила мне дадена была только два дня как. Гуляет во мне ведьминская сила, и еще долго гулять будет. Не могу я замуж идти, пока сила не уляжется, пропадет мой дар тогда, – теперь я вручила ему свою судьбу и поставила перед выбором.

Выбор для него та же проверка была. О чем думает князь? О себе и своих желаниях? Или ему интересно моё стремление? В себе я была уверена. Даже то, что князь во мне разбудил, и что начинало в душе расти, не собьет с пути ведьмы. А вот князю насколько нужно прислушиваться к тому, что дорого мне?

Князь нахмурился и смотрел на меня внимательно, оценивал – шучу, или правду говорю. Демонстративно ресницами моргнула, чтоб не сомневался.

– Веселина, – потянул меня за руку, прижал к себе. – Не могу я от тебя отказаться. Буду ждать, пока сила в тебе не уляжется, – решительно произнес князь и еще сильнее стиснул в своих руках. – Но завтра обряд будет! – оторвал от себя прибалдевшую от такого натиска меня, – Чтобы знали все: моя ты жена. А с остальным разберемся, – снова к груди прижал. – Долго ждать придется?

– Два года, – пискнула ему, потому что дыхания от его крепких объятий мне просто не осталось.

– Сколько??? – поразился князь, отстранив от себя, заглянул в мои глаза.

– Два года, князь, – подтвердила ему, – Отпусти. Я помогу тебе с Чернобогом, а потом буду в сказке жить. А ты тут, да и забудешь меня.

А у самой сердечко сжалось, дождется ли? Князь молчал, смотрел в окно и молчал.

– Стоишь ты того, чтобы подождать, – решил князь, – Но обряд завтра будет.

Вот чего заладил? Обряд, обряд. Мне-то что? Сбегу с обряда, и всех делов. А он пусть подумает еще хорошенечко. Кивнула в ответ, пусть спит спокойно, все равно меня до рассвета из терема никто не выпустит.

Князь наклонился к моим губам и поцеловал. Его губы были горячими, но большего он не позволил. Прижался губами к моим и отпустил с явным сожалением.

Глава 5

Рассвет здесь был не такой, как в сказке. У нас петушки на каждой крыше красиво свою песнь выводили и заливались трелями, встречая солнышко. Медные флюгеры пели не хуже настоящих петухов, на которых накладывали тишину, чтобы не могли кукарекать, когда им вздумается. Медные флюгеры в сказке были почти часами. Они каждое утро, не смотря на время года, поднимали нас в один и тот же час. Потом отсчитывали положенный срок и замирали до следующего утра.

Здесь же меня подняли петушинные крики задолго до рассвета. Без гармонии, не согласованно, птицы кукарекали и горлопанили, кто во что горазд.

Тяжело встала с кровати, диссонанс нестройных петушинных криков резал слух. Вот буду тут княгиней, на всех петухов наложу тишину – мстительно подумала и улыбнулась своим мыслям.

Засуетились чернавки, не поднимая глаз, заскользили в светелку, даже не реагируя на мои вопросы и просьбы. Строго тут у них.

Не было привычных обрядовых песен, подружек. Все было скоро, молча, и как-то не радостно. Утешала лишь одна мысль – скоро сбегу.

Привели меня девушки из терема. Кто из них кто, мне было не ведомо, что несколько пугало и настораживало. Обычно невесту к обряду сопровождают родные и подружки невесты, да с обручальными песнями. Было такое чувство, что свадебный обряд, всю его красоту и многообразие, просто крадут. Настроение от этого портилось стремительно. Всё было не так.

Не было бережной вышивки на моем платье. Оно, конечно, было самого тончайшего сукна, но моего не любимого бежевого цвета, который просто не шел к цвету моего лица. Не было родных, чтобы пожелать мне счастья, не было подружек, чтобы умильно поплакать над моей судьбой.

Зато был князь, который встретил меня сверкающими золотыми искорками глазами, и княгиня с улыбкой, за которой скрывалась властность. Рядом стоял волхв, старенький, слепенький, и уже явно давно ушедший на покой, но не смог отказать княгине.

Ведьмин круг был запечатан, это я увидела сразу же. Они собирались с беспомощным старцем и запечатанным кругом просить Светлобога соединить нас?!

Подошла к кругу, присела и провела по нему рукой. Сила в нем есть, только кто-то запечатал его, чтобы не могли силой этой воспользоваться. Посмотрела на князя – знает ли об этом? Нет, князь далек от волшебства, княгиня могла иметь какие-то знания ведьмы от рода, да растеряла их давно. Наверное, рано замуж выдали ее, и если была своя сила от природы, давно растеряла. Не видят они.

Сейчас не буду пробуждать ведьмин круг, сначала надо разобраться, почему его запечатали.

Оглянулась, волхв уже затянул традиционную венчальную. На жития и благости. Оглядела вокруг – лошади, приготовленные моими домовятами, стояли привязанные у дерева. Они сейчас сутились у остальных, старательно путая сбрую. Самим же потом в порядок приводить.

Мне показали, каким конем можно воспользоваться, и быстро исчезли, закончив шкодить. Вильки стали выглядывать из цветов, предчувствуя скорую забаву. Фейки трепыхали крылышками, разбрасывая пыльцу вокруг, которая осыпала нас. Пыльца эта волшебная, показывает, какие мысли и чувства человек на самом деле испытывает.

Волхв, например, явно старался угодить княгине, и как можно скорее всё закончить. Княгиня преследовала явный расчет. Князь – вот тут сердечко сжалось – любовь. Страсти там тоже было много, но основное всё равно любовь.

Сделала несколько шагов в сторону лошадей, никто не возмущается. Еще несколько шагов, тишина. Всё внимание на волхва и князя, который с серьезным видом смотрит в ведьмин круг и ждет оттуда явление Светлобога. Я же – тихими перебежками между лошадьми, вскочила наконец на лошадь, прижалась к луке седла и ткнула ее голыми пятками. Кобылица тихо тронулась в указанном направлении. Никто на нас не глянул. Волхв потрясал ручонками, тщетно призывая Светлобога на ведьмином кругу. Окружающие недоуменно стали поглядывать то на круг, то на волхва.

Прячась за крупами лошадей, на своей лошадке тихо потрусил в сторону леса, стараясь быстрым топотом не привлекать внимания.

– Князь! Невеста! – раздался крик одного из помощников.

Вот тут я припустила свою лошадку во всю прыть. Домовятки пошутили знатно, перепутали сбрую, распустили подпруги, так что даже кто решился сесть, сваливался вместе с седлами. Князь сдернул отстегнутое седло, взлетел на спину своего могучего коня и стрелой помчался за мной.

Обернулась на него и подула с ладошки, но могучий ветер не смог сбить тяжелого коня с всадником. Опустила руку ладонью вниз, прося помощи у земли. Волна побежала на встречу князю. Конь легко перепрыгнул. Тряхнула косами – стена огня выросла позади меня. Конь князя наконец остановился перед ней, отказываясь скакать дальше.

Я на своей лошадке нырнула в лес, и деревья прикрыли своей листвой, стоило лишь попросить их о помощи. Теперь любую погоню остановят, не пустят за нами.

Достала из своей сумки, что привязали к луке седла домовята, сучок, что болотник мне подарил, положила на ладонь и теперь припустила лошадку в нужном направлении.

Заброшенная избушка Яги показалась вскоре. Надо торопиться, если князь знает о ней, то быстро будет здесь. Вбежала внутрь. Все разгромлено, но печь осталась целой. Накидала обломков мебели внутрь и подожгла своим огнем. Печь загудела, тяга хорошая. Теперь надо слова заветные вспомнить. Как там Ягусенька говорила?

– *Грань, отройся, в мир пусти, мыслей добрых принести, в мире том полно беды, вымести их все следы.*

Но это в мир нам тогда нужно было, теперь в сказку обратно нужно.

– *Грань, откройся в сказку мне, рассказать о той беде.*

Огонь загудел, на пороге послышались быстрые шаги. Я подошла к печке, протянула руки в огонь и прыгнула внутрь. За подол платья ухватили чьи-то руки.

Яркая вспышка заставила зажмуриться, потом меня завертело, закружило. Почувствовала, как платье трещит под чьей-то тяжестью, наклонилась к ногам, протянула руки, и так с закрытыми глазами притянула к себе и прижала, чтобы не потерять случайного попутчика. В ответ меня тоже крепко стиснули.

Падение было медленным, но всё равно упали и покатались по склону. Раскрыв глаза, увидела перед собой карие глаза с золотыми искорками, а вокруг всё вертелось. Катиться перестали в конце склона.

– А я говорил, что вы будете вместе! – радостно сообщил всей округе Гамаюн.

Князь лежал на мне, и мы обнимали друг друга. При чем платье от падения задралось, и Игорь как раз оказался между моих ног.

– Веселина! Что это значит?! – услышала грозный голос отца.

– Пап, это Игорь, – всё, что нашлась сказать.

Князь стал подниматься, стараясь не придавить меня сильнее. Подскочила, одергивая платье на себе. Отец был не один, вокруг стояли все мои братья и дружина отца. Так что наше эффектное падение видели все.

– А это тот самый князь, который пять твоих дружинников положил, Ярослав, – тут же дополнил информацию Гамаюн.

– Князь Игорь, – сказал князь и расправил плечи перед неравным по количеству соперником. Невольно залюбовалась его уверенной фигурой.

– Богатырь Ярослав, – подошел к нам отец и протянул руку для пожатия, – Веселина, в терем!

Оглянувшись: оказывается, мы приземлились на поле для ратных тренировок. Обернувшись еще раз на Игоря, тот был спокоен. Быстро направилась к терему.

Там меня встретила встревоженная бабушка, мама была занята у ведьминога круга. Бабушка сразу же стала набирать купель и одновременно расспрашивать. С кухни доносился ароматный запах. Утро оказалось без трапезы, а сейчас есть очень хотелось.

Бабушке я рассказала всё, как было – и про Гамаюна, и про князя с Чернобогом, и про то, что меня замуж за этого князя хотели сегодня насильно отдать. Бабушка слушала молча и очень внимательно, лишь задавая вопросы, чтобы что-то уточнить. Очень обрадовалась привету от болотника, и огорчилась о делах мирских.

За столом собрались все. Даже князь Игорь успел где-то умыться, опять влажные локоны вились, заставляя снова вспомнить поцелуи в купели. Щеки горели огнем, что не укрылось от внимательных глаз моей бабушки. Братьям и отцу нашего падения было достаточно, чтобы бросать на князя острые взгляды.

Ели молча, решив оставить все разговоры на потом.

После трапезы отец с братья позвали Игоря на разговор. Не было их очень долго, потом прибежал Тимошка, с круглыми глазами:

– Веселинка, ты замуж вышла? – чем добил меня окончательно.

– Тимошка, не мели ерунды, – спокойно сказала бабушка.

– Так князь сказал, – попытался оправдаться Тимошка.

– Так, Веселинушка, пора нам этот мужской разговор разбавить, – бабушка пошла в сторону горницы, где были отец с братьями.

Отец и братья сидели недовольные, лишь князь весь светился. Встал к нам навстречу, подошел и коснулся моих губ губами. Отчего встала столбом на месте.

– Веселина, теперь твои родные знают, что ты жена мне, – сообщил мне князь.

– Нет!

– Врешь! – воскликнули мы одновременно с бабушкой.

– Что значит, нет? Веселина, рассказывай, как всё было! – хлопнул себя по коленке отец.

Рассказала, как после купания князь платье мое спрятал, а потом поцеловал насильно. Как в миру, при всем честном народе, назвал женой, не спрашивая моего согласия. Лица парней посветлели и кулаки зачесались. А вот лицо князя при моем рассказе темнело.

– Значит так, князь? – спросил отец. – Дочь мою думал обманом в жены взять?

– Я же в жены, а не на потеху. Люба она мне, больше жизни любя. – угрюмо сказал князь, понимая, что здесь к моему слову прислушиваются.

– Что же нам с тобой делать? – отец задумчиво потер подбородок рукой, а в глазах увидела смешинки. Ой, что-то задумал он.

– Проучить надо князя! – подскочил Добролюб, самый миролюбивый из братьев.

– Проучить, – тут же высказали общую мысль остальные.

– Что скажешь, князь? Ответишь перед сынами моими за свой обман? – спросил отец, старательно скрывая улыбку.

– Ответчу! – решительно сказал князь.

А я снова залюбовалась его гордым видом. Такому не только княжеством командовать, ему можно весь мир доверить.

– Пошли на ратное поле тогда, – сказал Святополк, поднимаясь.

Парни стали выходить, внимательно рассматривая нас с князем, я так и осталась стоять рядом с ним после неожиданного поцелуя. Последним выходил Матвейка, он дернул меня за руку, потащил за собой.

– Никто твоего князя не обидит, мы же видим, что люб он тебе, – тихо прошептал на ухо.

– С чего вы взяли? – возмутилась и руку вырвала.

– Ты на себя в зеркало посмотри, – хохотнул Матвейка.

Невольно обернулась на большое зеркало в горнице. Щеки пылали, а глаза сверкали.

– Так это ведьминская сила во мне играет, – пожала плечами.

– Ага, сила. Ну мы так и поняли, зачем ты собралась на Чернобога идти вместе с князем. Чтоб силу, значит, на Чернобоге проверить, – хохотнул Матвейка и ушел вслед за братьями.

Князь подошел ко мне и положил руки на плечи.

– Прости, Веселина, – сказал он самым серьезным тоном, – Я думал только о себе, не слушал твои возражения. Если прогонишь – уйду.

– Не прогоню, – неожиданно для себя сказала и убежала в светелку.

Глава 6

Из окошка слышались удары мечей, выкрики парней. По звукам ничего кроважного там не происходило, но все равно волновалась. Когда звуки стихли, почти не спеша спустилась вниз, и успела увидеть, как братья, довольно улыбаясь, шли и переговаривались с Игорем. Остановилась на пороге, они направились в баню.

– Веселина, помогай стол накрывать! – раздалось с кухни.

Мама с бабушкой уже суестились над кушаньем. Привычно стала хлопотать по кухне, помогая им. Домових у нас не было, сами справлялись, не смотря на то, что частыми гостями были дружинники отца. Просто мы очень любили всё готовить. Столы всегда накрывали богатыми.

Наши прогулки по лесу с Матвейкой тоже давали свои плоды: грибы, ягоды. Все это так же подавалось на стол.

Мама меня не расспрашивала ни о чем. Некогда было, да бабушка наверняка уже всё рассказала, и от этого становилось еще неудобнее, хотя вины за собой никакой не чувствовала. Не рассказала бабушке только как мы с Игорем в купели купались. Не смогла признаться, что чувства испытала в тот момент, мне незнакомые, но очень сильные. Не могла признаться не только бабушке, но и себе, что тянусь душой к князю, и пробегая мимо окон выглядываю его.

Мужчины выбежали из бани и бегом направились к нашей речке. С уханьем и хохотом ныряли. Отошла от окна. Братьев голыми сколько раз видела, вот так же плескались сколько раз. А вот князя увидеть боялась, хотя очень хотелось.

– Василина! – позвала мама, когда я была на кухне у печки. – Отнеси Игорю чистую рубаху и штаны, – протянула одежду.

– Хорошо, мам, – с готовностью схватила одежду и побежала в его светелку. Уже знала, где его поселили.

– Игорь, я тебе одежду чистую принесла! – радостно сообщила, открыв резко дверь.

Князь стоял рядом с дверью, и я почти воткнулась в его обнаженную грудь, подняла на него глаза и не смогла отвести. В его глазах снова зажглись золотые искорки, но это был не смех, в них светилась нежность, обожание и ... любовь.

– Веселинушка, – прошептал князь и закрыл за моей спиной дверь.

От звука вздрогнула и стала отступать к двери, выставив одежду в руке перед собой, как щит, а второй нащупывая ручку на двери.

– Веселинушка, не бойся меня. Я буду ждать столько, сколько скажешь, – в глазах появилась грусть, но ни одного шага в мою сторону не сделал. – Только скажи, ждать? Люб я тебе?

– Люб. Жди, – дернула за ручку и выскочила из светелки. Одежда осталась у меня в руках. Стояла и старалась унять бешено скачущее сердечко.

– Давай одежу, отнесу ужо, – произнес Тимошка.

Я припустила бежать, хотелось дыхнуть воздуха, сердце бешено колотилось. Сбежала по лестнице и выскочила на улицу.

– Веселина, куда? Вечерять садимся! – понеслось в след от Матвейки.

Бежала по знакомой тропинке, собирая подолом платья пыльцу с поздних цветов и трав. Вильки возмущенно вспархивали и махали своими кулачками мне в след, потом начинали хихикать. Этот смех провожал меня всю дорогу до пруда.

Остановилась на полянке, где первый раз увидела князя, и не смогла подойти к пруду, позвать подружку. Сейчас тоже был вечер, как тогда, и солнышко садилось над прудом.

– Ну, куда убежала, глупенькая? – спросил Матвейка, положив руки мне на плечи. – Стол накрыт, а ты тут, – ласково проговорил брат.

– Матвейка, я ... – повернулась к нему и не могла сказать ни слова.

– Знаю, Веселинушка. По твоим глазам всё поняли. Люб он тебе. – улыбнулся брат и обнял.

Так мы вдвоем шли по тропинке, фейки хихикали вслед. Некоторые подлетали, сыпали на меня пыльцу и хихикали сильнее.

– Кыш! – прикрикнул на них Матвейка, – Устроили тут!

Перед домом он стряхнул с меня пыльцу и поддел под нос пальцем.

– Выше нос, сестрица. Ты же ведьма у нас, пусть и влюбленная, – весело сказал брат.

– Что, так заметно? – испугалась его словам.

– Заметно, так что веди себя, как обычно, – подтолкнул меня к дверям.

Вздохнула, вошла. Все уже собрались за столом, но есть не начинали, ждали нас.

– Вернул беглянку? – спокойно спросил отец, – Садитесь, а то голодные мы, хорошо поборолись. Да, князь?

– Хорошо, – согласился Игорь, он оказался рядом со мной.

Вот почему-то мне показалось, что это проделки Матвейки, посадить нас рядом. А мне так неудобно было, даже глаза боялась от тарелки поднять.

– Веселина, подай хлеба, – попросил Матвейка.

Потянулась за тарелкой с хлебом, накрытым салфеточкой, и подала брату.

– И мне, – попросил князь. Повернулась к нему и случайно наши руки встретились, салфетка вспыхнула огнем.

– Веселина! – воскликнули все почти одновременно.

Только князь подхватил горящую тряпицу, похлопал ее между рук своих и погасил пламя. Я перепугалась больше всех остальных, от того что так отчетливо показала свои чувства.

Князь после этого оттер пальцы салфеткой, забрал всю тарелку с хлебом из моих рук и поставил на стол.

– Спасибо, – тихо сказала Игорю и посмотрела на него, встретила с ним взглядом, и огнем вспыхнули косы.

– Веселинушка, может, успокоишься, водички попьешь? – ласково спросила бабушка, передавая мне кувшин, который стол рядом с ней.

– Водички бы, – проговорила пересохшим горлом, и на меня пролился дождь.

– Ты только не волнуйся, – поднялся Матвейка и положил мне руки на плечи, – Еще не хватало землетрясение устроить и терем разрушить.

Сам же веселился от души.

– Вот еще! – гордо вскинула носик и, резко поведя плечами, сбросила его руки.

Парня ветром сдуло.

– Не улеглась сила, – задумчиво произнесла мама.

– И долго она укладываться будет? – спокойно спросил князь, отряхивая капли воды с одежды.

– Так это у кого как. В нашем роду всегда долго. Моя сила два года приживалась, у Забавушки полтора, но она активно стала в ведьмином круге тогда работать. Людям помогать и ратникам, целительствовала долго, вот сила быстрее и привыкла к ней. – спокойно рассказала бабушка то, что мы в нашей семье все знали.

– Получается, что чем чаще Веселина силой будет пользоваться, тем быстрее примет ее? – сделал вывод Игорь.

– Получается, так, – вздохнула бабушка. Она-то знала, что я решилась идти на Чернобога.

– Ярослав Владимирович, отпустите Веселину на борьбу с Чернобогом, – попросил Игорь, встав со стула и отвесив низкий поклон отцу.

– Веселинку? Да она даже мечом махать толком не умеет! – тут же встрял ушибленный Матвей.

– Она мне как ведьма поможет, – так же серьезно сказал Игорь.

– Расскажи, князь, что случилось в миру, – посуровел отец.

Князь рассказывал о беде, случившейся над миром. Фразы были сухие, без витиеватых изысков, но говорил он очень складно, доходчиво, и показал всю суть проблемы.

Чернобог стал людей губить и земли их себе забирать. Потом заключил договор с учеными ведьмами, и те стали землю портить. Леса стали заброшенными, непроходимыми. Колодцы стали с тухлой водой, крестьяне, что не умерли, покидают свои деревни. Перестали сажать и убирать урожай. Хлеба в княжестве не хватает, голодно совсем. Князь поначалу просто вешал ведьм, считая, что так избавится от заразы, рассаженной ими, но лучше не стало. Ведьмы запечатали ведьмины круги, и люди стали болеть, потому что Светлобог не может прийти к страждущим и помочь силой света своего.

Тогда князь собрал дружину, набрал из крестьян всех желающих, обучил, насколько смог, и отправился к Чернобогу в бой. Тот вышел на ратное поле и пошел навстречу Игорю, вот тогда князь первый раз в сказку попал, да сразу же на ратные бои. Ведь он думал, что перед ним ратники Чернобога – не дождались сигнала к началу битвы и накинулись на его дружину.

– Ты прости, Ярослав Владимирович, что напал на твоих дружинников. – закончил свой рассказ Игорь.

Я во все глаза смотрела на князя. Всё мне в нем нравилось: и как говорит, и как стоит перед братьями, как отцу прямо в глаза смотрит, как душой болеет за княжество свое, за простой люд, за землю печалится.

Братья и отец слушали молча, не перебивали, лица были суровые. Мама с тревогой смотрела то на меня, то на князя. Бабушка с печалью подперла кулачком щеку и вздыхала при рассказе о новых бесчинствах, что творятся в миру.

– Совсем Чернобог не думает, что делает. Неужто надеется, что Светлобог ничего не узнает? – после паузы сказал отец.

– Отец, дозвожь нам с князем на Чернобога пойти, опять же, Веселинку, если что, прикроем и присмотрим, – сказал Святополк.

Матвейка поймал мой взгляд и подмигнул за спиной князя. Отец долго молчал.

– Добро, идете все вместе, Веселинку берете с собой. Оберегать и слушаться во всем, сила ей дадена, а потому ей лучше знать и ведать. – решил отец. – Сам я к Светлобогу пойду, расскажу о делах Чернобога.

Разговор пошел так, что мое участие не обсуждалось, это подразумевалось как-то само собой. Князь сел обратно за стол. Общий разговор отвлек меня от Игоря, и я смогла спокойно перекусить. На князя снова засмотрелась, как за столом себя ведет, как кушает, благородство чувствовалось в каждом его жесте.

Когда ужин закончился, парни с увлечением стали обсуждать подробности похода на Чернобога. Взяли в оборот Игоря и расспрашивали всё, что только можно. О количестве войска противника, о ведьмах ученых, об оружии. Иногда перескакивали с темы на тему.

Я помогала маме с бабушкой убирать посуду и прислушивалась к разговору, мне тоже было все интересно.

– Иди, – отпустила бабушка, – Сами управимся.

Но не стала подходить к парням, которые с жаром стали спорить об оружии, которое надо было брать с собой в поход. Решила провести своего Огонька, застоялся он без меня. Хотя Матвейка и братья наверняка не забывали выгуливать его, но ведь не пустит к себе конь волшебный.

Огонек встретил меня радостным ржанием и по красной шерсти пробежали искорки. Радовались мы с ним вдвоем встрече и друг другу.

Неслись мы с ним по ночному полю, Огонек скакал так, что казалось не касается травы копытами. Я выпустила клокочущую во мне силу ведьминскую. Вихрь огня тянулся шлейфом

за нами. Мой красный конь не испугался, лишь радостно заржал и понес дальше, разминая застоявшиеся мышцы.

Когда Огонек сбавил ход, остановилась и соскочила с коня. Отошла немного от него и пустила огонь вверх, добавила ветер, и пламя затанцевало в ночном небе. Это была пара. Мужчина кружил девушку, держа ее за руки. Перехватив за талию, подкидывал вверх над собой и снова ловил. Огненные фигуры осыпались искрами при соприкосновении друг с другом.

Они танцевали сами, я не управляла ими, просто позволила своей силе быть свободной, выпустила любовь, и теперь наблюдала ее танец на фоне звездного неба.

Опустила руку к земле и позвала свою помощницу. По земле сначала пробежала дрожь, потом волна, а потом из земли стали проклевываться зеленые ростки, они быстро поднимались, набирая силу. Подняла обе руки, и с неба пролился дождь, орошая новые побеги. Отблески от танцующей пары заискрились в каплях дождя, окрашивая их в огненные краски. Над лугом разнесся аромат мокрых трав и благоухающих цветов.

Ветерок подхватил лепестки и закружил вокруг танцующих. Огненный вихрь и вихрь цветов над лугом заставили меня забыть обо всем на свете. Я смотрела и не могла оторваться. Пара замерла, и мужчина поцеловал девушку, они слились общим пламенем, рассыпались искрами, которые упали в землю. Лепестки медленно оседали вниз, дождик прекратился. Лишь легкий ветерок обдувал мои разгоряченные щеки. Выпустив свою ведьминскую силу, мне стало легче, но жар от чувства не перестал переполнять мою душу.

Огонек ткнулся мне в плечо, обняла коня за морду. Потом мы летели обратно к дому. Уставшие, но довольные.

У конюшни меня встретил Матвейка, забрал повод Огонька, помог спрыгнуть.

– Ты где была? Князь испереживался совсем. Хватал коней, хотел скакать, искать тебя. Только когда увидели танцующие фигуры в небе, поняли, что это ты. Красиво у тебя получилось, – Матвейка улыбался.

– На лугу была. Раз видели, что спрашиваешь? – ответила ему недовольно, потому что не хотела, чтобы видели этот танец моего чувства.

– Ну и присох к тебе князь. И пяти минут не может без тебя, – хохотнул Матвейка. – Пришлось выдать ему коня, чтоб мог тоже пар свой выпустить.

– И вы его отпустили? – ужаснулась. – Одного? Он же опять заблудится.

– За ним Гамаюн полетел. Уж больно хотел о чем-то с князем поговорить. – отмахнулся Матвейка.

Брат забрал Огонька и повел в конюшню. Довольный конь шел, всхрапывая и махая хвостом.

В светелке легла в постель, но, не смотря на усталость, никак не могла уснуть. Вспомнились глаза князя, его руки, его легкий поцелуй при всех. Теплое чувство, робкая надежда на счастье стали потихоньку расти во мне. С этими чувствами незаметно уснула.

Утром разбудил шум на поле для тренировок. Братья снова бились на мечах и в рукопашную. Выглянув в окно, увидела, что князь вместе с ними. Отца не было. Мама ночью должна была улететь. Так что нужно было торопиться, чтобы бабушке помочь.

Накрыв на стол, побежала звать братьев.

– Веселинка! Полей! – раздался голос Матвея от колодца.

Побежала туда и натолкнулась на Игоря, который обнял меня тут же.

– Пусти! – запротестовала сразу.

Отпустил, оглянулась – нет никого вокруг, у колодца одни стоим.

– Утра доброго, Веселинушка. Успел соскучиться по тебе, – улыбнулся князь.

– И тебе доброго, Игорь, – ответила ему, а глаз так и не могу отвести.

Опять эти кудри и искорки в глазах. А князь сделал шаг ко мне, потом еще один, еще. И наше дыхание уже переплелось в одно. Сердце бьется в груди, которая совсем рядом с его.

Игорь наклонился и его губы коснулись моих.

– Князь, ты бы активнее, что ли. Так свадьбы с тобой не дождешься, – раздался голос Гамаюна.

Махнула рукой на голос, и птица со звонким звуком шлепнулась в колодец. Князь обхватил меня и прижался сильнее губами. Нежный и долгий поцелуй – это то, о чем я мечтала ночью, засыпая.

– Я дождусь. Буду ждать, сколько скажешь, – оторвавшись от моих губ, но не отпуская из своих объятий, проговорил Игорь.

– Они целуются, а я весь мокрый, – раздался недовольный голос Гамаюна.

– Нас к столу ждут, – проговорила Игорю.

– Почему ты так сопротивляешься быть моей женой? – спросил Игорь.

– Веселинка, ты совсем мужика довела, – Гамаюн снова полетел в колодец.

– Потому что не была невестой, – смотрела на него во все глаза.

– Но и невестой ты отказываешься быть! – в сердцах воскликнул Игорь.

– Ты не спрашивал о моем согласии, – попыталась вырваться из его рук.

– Князь, ты что, правда, не мог, как все нормальные мужики, просто спросить? – задал вопрос Гамаюн, вылезая из колодца.

– Веселина, будешь ли ты мне невестой и женой? – серьезно спросил князь.

– Ну, кто так спрашивает? – отряхнулся Гамаюн. – Никогда, не просил, что ли?

– Никогда, – ответил Игорь, от чего на сердце потеплело.

– Надо «Согласишься ли стать моей невестой и женой?» – с поучающим тоном сообщил Гамаюн.

– Веселина, ты согласна стать моей невестой и женой? – повторил Игорь, глядя мне прямо в глаза.

– Да, согласна, – ответила ему.

– А я что говорил? – с победным видом проорал Гамаюн на весь двор.

Вокруг нас тут же собрались все мои братья и еще несколько дружинников.

– Так, мои хорошие, с каждого по серебрушке за проигрыш! – победно заключил Гамаюн.

– Чтоооо? – повернулась к Гамаюну.

– А что? – стал отступать он подальше от меня, так как сейчас начала наступать на него, сжимая кулаки, и земля затряслась под ногами. – Я на тебе только что очень неплохо заработал. Этому кудрявому невесту помог уговорить, а с остальных выигрыш свой заберу.

Огонь сам метнулся за птицей. Гамаюн пытался убежать, улететь, спрятаться за людей, но огонь преследовал его совершенно самостоятельно. Нагоняя и подпаливая зад, отчего птица стала дымиться.

– Караул! – орал Гамаюн на весь двор, – Поджаривают! Люди добрые, спасите вещую птицу!

Поймал вещую птицу князь, отчего мой огонь тут же потух.

– Князюшка, спаситель ты мой! Как ты с этой окаянной жить собираешься? Она живую душу чуть не погубила! – обнимал мокрыми крыльями Гамаюн князя. – Душегубица! – повернулся к хвосту и стал усердно дуть, сбивая тлеющий огонь.

– Об этом он вчера с тобой разговаривал? – встала руки в боки.

Князь с Гамаюном переглянулись.

– Так вот тебе мое слово, князь! Не невеста я тебе, и никогда не соглашусь на это! А о женитьбе вообще можешь забыть! – развернулась и ушла с гордо поднятым носиком.

– А я что говорил! – воскликнул Матвейка, – Гамаюн, ты проиграл, так что гони каждому по серебрушке!

– Матвеюшка, родненький, да где я тебе столько денег-то возьму. У меня расчеты все были верные. – захохот тут Гамаюн.

– Работать не пробовал? – грозно повернулся к нему Святополк.

– Пробовал, не получается, – так горестно вздохнул Гамаюн.

– Предлагаю тебе работу. Пойдешь с нами в поход против Чернобога, вещуном работать будешь. За каждое неправильное вещание перо долой! – поставил его перед фактом Святополк.

– Как же это? Люди добрые! – растерялась птица на руках Игоря, – Князюшка, ты же своего друга в обиду не дашь? – и прижался к широкой мужской груди.

– Будешь новый вид – лысый Гамаюн, – погладил по голове птицу Игорь.

Последние слова развесели окружающих, но возмутили Гамаюна.

– И ты туда же?! Я же для тебя старался! Невесту строптивую добыл! А ты меня ошипать вздумал? Эта подпалить хотела, ты ошипать! Эх! – горестно вздохнул Гамаюн и улетел из рук князя.

– Чтоб в походе был! – грозно понеслось вслед обиженной птице.

Князь стоял печальный, провожая вещуна в полете.

– Не печалься, князь, начнешь все сначала. Веселинка добрая, простит со временем, – сказал Матвей, хлопнув Игоря по плечу.

Я же стояла за широкой спиной Доброслава, иногда выглядывая и слушая весь разговор. Стала тихо отступать к терему, стараясь сдержать смех после представления ошипанного Гамаюна. Споткнулась о лежащие на земле грабли, шлепнулась на землю и стукнула от досады по пыли ладошкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.